

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ЕРМАК

ТИМОФЕЕВИЧ

Николай Гейнце
Ермак Тимофеевич

«Public Domain»

1900

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Гейнце Н. Э.

Ермак Тимофеевич / Н. Э. Гейнце — «Public Domain», 1900

ISBN 978-5-501-00207-4

Николай Эдуардович Гейнце (1852–1913) – русский беллетрист, журналист, драматург; автор множества исторических романов. В своих произведениях он допускал немало исторических вольностей, но его книги, написанные живо и увлекательно, пользовались большим спросом у читателей. Гейнце сочинял не только исторические, но и уголовно-бытовые романы и повести. Им также создано несколько пьес, с успехом встреченных публикой. Роман «Ермак Тимофеевич», представленный на страницах этой книги, повествует о легендарном предводителе казацкой дружины, о его походах за Урал, о разгроме татарского войска хана Кучума, тревожившего русское государство частыми набегами, и о присоединении Сибирских земель к российской короне. Красной нитью проходит в романе история короткой, но яркой любви атамана Ермака и Ксении Строгановой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00207-4

© Гейнце Н. Э., 1900
© Public Domain, 1900

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	8
III	11
IV	14
V	18
VI	21
VII	24
VIII	28
IX	32
X	36
XI	40
XII	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николай Гейнце

Ермак Тимофеевич

Часть первая **«На конце России»**

I

В деревенском замке

– Ну что, Антиповна, как Аксюта?

– Да все так же, батюшка Максим Яковлевич, все так же...

– И с чего бы это?

– Ума не приложу, батюшка Максим Яковлевич, что за напасть такая стряслась над девушкой... Кажись, с месяц всего, как кровь с молоком была, красавица писаная, она и теперь краля кралей, но только все же и краски поубавились, и с тела немножко спала, а о веселье прежнем и помину нет, сидит, в одно место смотрит, по целым часам не шелохнется, ни улыбки, не токмо смеху веселого девичьего, в светлице и не слышать, оторопь даже берет...

– Недужится, может?

– Пытала я ее, здорова, говорит... Да и, по видимости, не недужится, ни тебе огневицы, ни лихоманки не видать, батюшка... Мекала я, может, от сглазу... С уголька три зари всприскивала, крещеной водой три утра, ничегошеньки не действует... А видимо, напущено.

– Напущено?

– Напущено, батюшка Максим Яковлевич, напущено... Поверь мне, старухе. Истинное слово напущено...

– Отчитать надо, не мне тебя учить, чай, сама знаешь эти колдовства и наговоры.

– Знаю, батюшка, знаю, как не знать, столько лет на свете живши, читала, отчитывала...

– Но что же?

– Не в пользу, батюшка, не в пользу... Видно, колдовство-то припущено сильное... Бес в ней... Прости господи...

Последние слова были произнесены шепотом.

– Окстись! Бес... Неладное болтаешь... Ребенок ведь...

– Ну какой же, батюшка, Максим Яковлевич, она ребенок, девятнадцатый год пошел... Знамо, девушка соблюдена, душа невинная, то он-то враг людской, таких-то и любит...

– Полно болтать, Антиповна, несуразное... Поди, присмотришь к Аксюте, может, болезнь внутри еще выкажется...

– Пойду, батюшка, Максим Яковлевич, присмотрюсь. Ноне ее на ночь маслицем освященным помажу... Может, Бог даст, и полегчает ее душеньке. Только ты, батюшка, занапрасну меня, старуху, обижаешь, что болтаю я несуразное... Силен он, враг людской, силен... Горами ворочает, а не только что девушкой...

– Да ты раскинь умом, старая, с чего бесу входить-то в нее?

– С чего? Злым человеком, лиходеем напущен... За всяко просто бывает, батюшка...

– Где у нас лиходеец-то... Татары, вогуличи, остяки. Так Аксюта их и в глаза не видала... Наша же челядь вся нам проданная...

– Ох, батюшка, разве можно влезть в человека-то? Вот взять хотя бы нового-то черномазого, гостя желанного...

- Ты говоришь о Ермаке?
- Хотя бы и о нем.
- Да Аксюта его, кажись, всего на счет раза три видела...
- Много ли ребенку-то надо?
- Вот и толкуй тут с тобой... То ребенок, а то не ребенок...
- Вестимо, ребенок душенькой...
- Иди... иди...

Разговор этот происходил в июле 1581 года между Максимом Яковлевичем Строгановым, высоким, красивым, мужчиною лет тридцати, с чисто русским открытым лицом – несколько выдающиеся только скулы его указывали на примесь татарской крови – и старухой лет под пятьдесят, Лукерьей Антиповной, нянькой его сестры Ксении Яковлевны, в одной из горниц обширных хором братьев Строгановых.

Привольно раскинулись и высоко поднялись эти хоромы и могли, по справедливости, быть названными деревенским замком. Трехэтажные, хотя окна начинались только со второго этажа, они стояли посреди огромного двора, обнесенного острогом из заостренных толстых бревен: кругом хором по двору стояли отдельные избы, где жила многочисленная прислуга, составляющая при случае и оборонительную силу.

У крепких дубовых ворот грозно глядели две пушки, а в амбарах, помещавшихся в нижнем этаже хором, было множество пищалей и холодного оружия – хорошего гостинца для неожиданных врагов.

Внутри хоромы Строгановых были убраны с царской роскошью. Стены многих горниц были обиты золотой и серебряной парчой, потолки искусно расписаны.

Словом, жили купцы Строгановы, как многим боярам в описываемое время жить не приходилось, но жили зато у Великой Перми, «на конце России», по выражению Карамзина, на рубеже неизмеримого пространства северной Азии, огражденного Каменным поясом (Уральским хребтом), Ледовитым морем, океаном Восточным, цепью гор Алтайских и Саянских – Сибири. Тогда это было отечество многолюдных монгольских, татарских, чудских, финских племен.

Страна эта ускользнула от исследования древних космографов, и эта неизвестность давала обильную пищу фантазии.

Так, на главной высоте земного шара было, как указывал великий Линней, первобытное убежище Ноева семейства после губительного всемирного наводнения. Там воображение современников Геродота искало грифов, стерегущих золото.

Но история не ведала Сибири до нашествия гуннов, турок и монголов на Европу. Предки Аттилы скитались по берегам Енисея, славный хан Дизавул принимал Юстинианова сановника Земерка в Алтайских долинах, послы Иннокентия IV и святого Людовика ехали к наследникам Чингисхана мимо Байкала, и несчастный отец Александра Невского падал ниц перед Гартом в окрестностях Амура.

Русские люди, еще ранее чем узнать в XIII веке юг Сибири как данники монголов, узнали ее северо-запад как завоеватели. Смелые новгородцы еще в XI веке обогащались драгоценными сибирскими мехами.

Завоеватели явились русские люди и после освобождения из-под татарского ига. В исходе XV столетия знамена Москвы уже развевались на снежном хребте Каменного пояса, называвшегося в древности горами Рифейскими, и воеводы Иоанна III возгласили имя первого русского самодержца на берегах Тавры, Иртыша, Оби, в пяти тысячах верст от Москвы.

Иоанн III уже именовался в своем титуле князем югорским, сын его Василий обдорским и кондинским, а внук Иоанн IV – сибирским. Эта огромная по пространству, но малолюдная монгольская или татарская держава, составившаяся из древних улусов камских и тюменских, была обложена данью.

По весьма недостоверным сказаниям, записанным летописцами со слов магометанских жителей Сибири, история основания этой державы передается следующим образом.

Некий князь Ивек, или Он, ногойского племени, магометанской веры, жил на реке Иртыш, повелевая многими татарами, остяками и вогуличами. Мятежник Чингис сверг Ивека, но из любви к его сыну Тайбуга дал последнему рать для завоевания берегов Иртыша и великой Оби, где Тайбуг и основал Сибирское ханство и город Чингис на Туре.

После смерти Тайбуги в этом ханстве властвовал его сын Ходжа, а затем внук Мар, отец Адора и Ябока, женатый на казанской царевне, сестре Упака. Последний убил Мара, а сын Адерса Магмет убил Пака, построил Искор, или Сибирь на Иртыше. Этот город находился в шестидесяти верстах от нынешнего Тобольска.

Преемники Магмета были Агиш, сын Ябока, затем сын Магмета Казый и дети последнего – московские данники Едигер и Бембулат. Они были свержены Кучумом, сыном киргизского хана Муртасы – первым царем сибирским.

Такова древняя история страны, лежавшей за «концом России», на рубеже которой высился деревянный замок владетельных купцов Строгановых, окруженный на неизмеримое пространство дарованными им жалованными царскими грамотами землями с построенными их же иждивением городищами, поселками и крепостцами, кипевшими жизнью среди этого обширного безлюдья.

II

Купцы знатного рода

Хотя в описываемое нами время «сибирский царь» Кучум и был данником Иоанна IV, но русское господство за Каменным поясом, то есть за Уралом, было слабо и ненадежно. Сибирские татары, признав московского царя своим верховным властителем, не только неаккуратно и худо платили ему дань, но даже частыми набегами тревожили стоящую на тогдашнем рубеже русском Великую Пермь.

Озабоченный как внутренними смутами, так и внешними делами – непрерывными войнами, царь Иоанн Васильевич не мог ни утвердить свою власть над далекой Сибирью, ни охранить спокойствия русских владений между Камою и Двиною, где издавна уже были поселки людей, привлеченных туда естественным изобилием почвы, дешевизной жизненных припасов и выгодами мены с соседними полудикими охотничьими народами, доставлявшими в изобилии драгоценные меха.

В числе местных «российских всельников» были и купцы Яков и Григорий Иоаникиевы Строгановы. Отец их Иоаникий, или Аника, Строганов обогатился устроенными им на Вычегде соляными варницами и первый открыл путь для русской торговли за уральский хребет.

Купцы эти были не простого рода. Они происходили от знатного мурзы Золотой Орды, принявшего святое крещение и названного Спиридоном, по преданию научившего русских людей употреблению счетов. Попавши в одной из битв с татарами в плен, он был измучен своими озлобленными единоверцами – они его «застрогали» до смерти. Поэтому его сын назван «Строгановым», внук же способствовал освобождению великого князя Василия Темного, бывшего в плену в казанских улусах.

Желая как-нибудь обезопасить границы своего государства с беспокойной Сибирью и обуздать своих данников – татар, Иоанн Васильевич обратил свое внимание на этих купцов знатного рода Якова и Григория Строгановых как на людей умных и знающих все обстоятельства, условия жизни северо-восточного края России. Воспользовавшись бытностью их в Москве по делам, он призвал их к себе, долго беседовал с ними, одобрил высказанные ими мысли и данные советы и жалованными грамотами отдал в их владение все пустые места, лежавшие вниз по Каме, от земли пермской до реки Силвы и берега Чусовой до ее устья, позволил им ставить там крепости в защиту от сибирских и ногайских хищников, иметь в своем иждивении огнестрельные снаряды, пушкарей, воинов, принимать к себе всяких вольных, не тяглых и не беглых, людей, ведать и судить их независимо от пермских наместников и тиунов, не возить и не кормить послов, ездивших в Москву из Сибири или в Сибирь из Москвы, заводить селения, пашни и соляные варницы и в течение двадцати лет торговать беспошлинно солью и рыбою, но с обязательством «не делать руд», а если найдут где серебряную, или медную, или оловянную, немедленно извещать о том казначеев государевых.

Эта царская милость, полная государственной мудрости, была оказана Строгановым царем Иоанном Васильевичем в блестящий и счастливый период его царствования, неомраченного еще внутренними смутами, так повлиявшими на впечатлительного Иоанна, знавшего с самых юных лет цену боярской преданности.

Братья Строгановы деятельно принялись за осуществление своих одобренных царем планов. В 1558 году они основали близ устья Чусовой городок Канкор, на мысу Пискорском, где стоял монастырь Всемиловейшего Спаса, в 1564 году – крепость Кергедон на Орловском Волоке, а в 1568 и 1570 годах – несколько острогов на берегах Чусовой и Силбы. Целая масса бродяг и бездомников явилась на клич братьев Строгановых, обещавших богатые плоды трудолюбия и добычу – смелости. С тех пор безлюдные пространства населились.

Подобно владетельным князьям, братья Строгановы имели свое войско, свою управу, стоя по царскому велению на страже северо-востока России. Уже в 1572 году оказался благой результат их деятельности, они смирили бунт черемисов, остяков, башкирцев, одержав победу над их соединительными толпами и снова взяв с них присягу на верность царю московскому.

В соседней между тем Сибири произошли значительные перемены.

Кучум в начале своего владения Сибирью искал благоволения царя Иоанна Васильевича, опасаясь неведомых ему жителей захваченной страны, которых он насильно обращал в магометанскую веру, и ногаев – друзей России.

Утвердивши же власть над Тобольской ордою, переманив к себе многих степных киргизов и женив своего сына Алея на дочери ногайского князя Тип-Акмета, он почувствовал себя самостоятельным и перестал исполнять обязанности московского данника, сносился тайно со свирепыми черемисами, возбуждая их к бунту против московского государя и под угрозой смертной казни запрещал остякам и вогуличам платить древнюю дань России.

Все это не могло нравиться в Москве, куда, однако, эти вести, за дальностью расстояния, пришли уже после того, как Кучум, встревоженный слухами о строгановских крепостях, в июле 1573 года послал своего племянника Маметкула разведать о них и, если можно, истребить все поселки и крепости в окрестностях Камы.

Маметкул явился с войсками как неприятель, умертвил несколько верных России остяков, пленил их жен, детей и посла московского Третьяка Чебукова, ехавшего в Киргиз-Кайсацкую орду. Узнав, однако, что в городах чусовских довольно и ратных людей, и пушек, Маметкул счел за лучшее убраться восвояси.

Обо всем этом узнали в Москве из извещения Строгановых, приславших гонца к царю. В этом извещении они говорили, что без царского повеления не посмели гнаться за Маметкулом по сибирской земле и просили дозволения строить там крепости, чтобы стеснить Кучума в его собственных владениях и навсегда утвердить безопасность наших.

Строгановы не требовали ни полков, ни оружия, ни денег, а только жалованной грамоты на неприятельские земли. Они ее и получили.

Тридцатого мая 1574 года царь Иоанн Васильевич дал им эту грамоту, в которой было сказано, что Яков и Григорий Строгановы могут укрепляться на берегах Тобола и вести войну с изменником Кучумом для освобождения первобытных жителей югорских, русских данников от его ига; могут в возмездие за их добрую службу выделять там не только железо, но и медь, олово и свинец, серу для опыта, до некоторого времени; могут свободно торговать беспошлинно с бухарцами и киргизами.

Таким образом, Строгановы имели право идти с огнем и мечом за Каменный пояс, но, увы, силы не соответствовали еще в равности для такого важного предприятия.

Прошло шесть лет. Яков и Григорий Иоаникиевы Строгановы сошли в могилу. Их великое дело на далекой по тогдашнему времени окраине России перешло в руки не принимавшего до тех пор участия в делах братьев их младшего брата Семена Иоаникиева и двум сыновьям покойного Максима Яковлевича и Никиты Григорьевы Строгановых. Их и застаем мы в момент начала нашего рассказа в июле 1631 года в деревянном замке.

Семен Иоаникиев был холост, племянники его Максим и Никита, потерявшие матерей ранее отцов, были тоже еще на линии женихов, и потому молодой хозяйшкой, но только по имени, так как за молодостью лет она не заправляла хозяйством, была дочь Якова Иоаникиева и сестра Максима Яковлева – Ксения Яковлева Строганова, о загадочном недомогании которой он и вел разговор с ее нянькой Лукерьей Антиповной.

Когда старуха вышла, ворча и охая, из горницы, Максим Яковлев некоторое время просидел на лавке в глубокой задумчивости. Он не был суеверен. Как это ни странно, но на конце России, где жили Строгановы, скорее в то время усваивались более трезвые, просвещенные взгляды на вещи, нежели в ее центре. Носителями этих взглядов, этой своего рода цивили-

зации были вольные люди, стекавшиеся из жажды труда и добычи на новые земли, которые представляли из себя сопермский край.

Среди этих вольных людей встречались иноземцы, литовцы, немчины, общество которых не проходило бесследно для восприимчивых русских людей.

Яков, Григорий и Семен Иоаникиевы Строгановы приближали к себе этих людей, выдававшихся из толпы бродяг и бездомников, представлявших из себя лишь нужную им грубую силу, ласкали их и научились от них многому, чего не ведала тогдашняя Русь.

Еще большее влияние эти люди имели на детей, приблизивших к себе их отцов. Детский ум и детское воображение скорее и сильнее воспринимает все новое, неизвестное.

Таким образом, братья Строгановы на «конце России» были первообразами тех русских людей, которые спустя целый век при царе Алексее Михайловиче подпали под влияние московской Немецкой слободы, воспитавшей Великого Петра.

Максим Яковлевич, как и его двоюродный брат Никита Григорьевич, могли назваться по тому времени людьми просвещенными, представителями нового поколения, и вера в сглаз, порчу, колдовство была уже несколько поколеблена в их уме. Но при всем этом беседа Максима Яковлевича с Антиповной произвела на него впечатление и заставила задуматься. Он горячо любил свою сестру, бывшую любимицей дяди и двоюродного брата, и ее загадочное недомогание очень тревожило его.

«И с чего бы, кажись! – задавал он мысленно себе тот же вопрос, который безуспешно задавал Антиповне. – Живет она в довольстве, холе, ветерку лишний раз на нее дунуть не дадут, и вдруг беспричинная хворь напала».

И снова сидит Максим Яковлевич в тяжелом раздумье.

«Ермак! Ужели?» – вдруг поднял он голову.

У Максима Строганова мелькнула мысль, что действительно не сглазил ли сестру Ермак, но далеко не в том смысле, как думала старая Антиповна.

III В светлице

Горницы второго этажа хором Строгановых предназначались для приема, хотя и редких, но все же заглядывавших к купцам-владельцам заезжих почетных гостей из Великой Перми и даже из далекой Москвы.

Посещали царские посланцы с грамотами, и хотя Строгановы, по смыслу первых царских грамот, не обязаны были ни возить, ни кормить государевых послов, ехавших из Москвы в Сибирь и обратно, но по исконному русскому гостеприимству всегда были рады заезжему человеку, вносившему все же некоторое разнообразие в их далеко не разнообразное житье-бытье.

Заброшенные же судьбой или царской волей на северо-восток России бояре и дворяне московские еще далеко до Великой Перми насмехались над «строгановским царством», как воеводы лежащих по дороге в Великую Пермь городов с злобной насмешкой называли «запермский край», сочувствуя воеводе Великой Перми, лишенному власти во владениях братьев Строгановых.

Наслушивались заезжие люди и о богатстве братьев, и об их широком гостеприимстве. И заезжали бояре и дворяне московские по пути в строгановские хоромы и убеждались, что эти купцы-владельцы живут вольно, свободно, с защищенными от гнева царского и казни головами отдаленностью места, живут точь-в-точь как князья удельные, окруженные своими дружинниками. Из себя же братья ласковые да приветливые, принимают гостей желанных в хоромах богато убранных и дивно расписанных, не знают, где посадить гостя, чем угостить, как чествовать. Искренне рады приезжему. Слушают не наслушаются новостей московских, им они в диковинку, редко достигают до них, так что до утренней зари, бывает, просидят с гостем за столом, переполненным бражками и питьями самодельными и заморскими.

Для таких-то дорогих гостей и были предназначены богато украшенные горницы второго этажа. Жилые обывденные горницы помещались в верхнем этаже и были более скромным убранством, хотя блестели чистотой и отличались всеми удобствами житейскими.

Но в третьем этаже три большие угольные горницы не в пример другим были убраны с роскошью, даже превышающей роскошь убранства парадных горниц второго этажа.

Эти горницы были известны под общим названием светлицы и служили обширным и уютным гнездышком для «сизой голубки», как называла ее нянька Антиповна, – Ксении Яковлевны Строгановой. Любимица отца и покойника дяди, она осталась после их смерти на пятнадцатом году и стала жить среди боготворивших ее родного и двоюродного братьев и заменяющего ей родного отца – дяди Семена.

Вся любовь и забота этих людей сказалась в устройстве этого действительно сказочного уголка для молодой девушки.

Первая горница служила рукодельной. В ней Ксения Яковлевна занималась рукодельями со своими санными девушками. Стены этой горницы были обиты золотой парчой, скамьи были с мягкими подушками, крытыми золотистой шелковой материей, столы были лакированные из карельской березы, из этого же дерева стояли фигурные пьалы с серебристой насечкой, за которыми работала девушка. Пьалы санных девушек были лакированные, ясеневые.

Вторая горница, тоже большая, но несколько меньше первой, служила местом отдыха Ксении Яковлевны, когда она захотела бы остаться одна или же провести время в задушевной беседе с одной из своих наиболее любимых санных девушек. Стены этой горницы были обиты заморским бархатом бирюзового цвета, столы были красного дерева и того же дерева лавки с мягкими подушками, покрытыми дорогими звериными шкурами.

Медвежьими пушистыми шкурами был красиво застлан почти весь пол горницы.

Третья, наконец, мѣньшая, чем две остальные горницы, с большой изразцовой лежанкой, служила опочивальней Ксении Яковлевны. Широкая, красного дерева с вычурной резьбой кровать, на которой лежали высокая перина, покрытая розовым шелковым, с искусными узорами стеганым одеялом, и целая гора подушек в белоснежных наволочках, стояла прямо против двери у задней стены. Стены опочивальни были обиты серебряной парчой с вытканными розовыми цветами. Пол покрыт выделанными шкурами горных коз.

Громадный иконостас с множеством образов в драгоценных окладах, осыпанных семицветными камнями и бурминными зернами, в которых переливался всеми цветами радуги мягкий свет золотой лампы, спускавшейся с потолка на золотых же цепочках, занимал передний угол девичьей опочивальни, в которую мы дерзновенно проникли по праву бытописателя.

Горницы эти оправдывали всецело свое название «светлицы», так как в высокие и широкие окна лилось много света и из этих окон открывался чудный вид на далекое пространство – окна приходились несколько выше окружавшего двор высокого острога.

На самом заднем плане открывавшегося великолепного вида синели Уральские горы. Ближе зеленели луга, отливали золотистым цветом поспевающей ржи засеянные поля, а еще ближе виднелся обширный поселок со стоявшей на пригорке маленькой деревянной церковкой, на золотом кресте которой играло июльское солнышко. Несколько вправо от первого виднелся другой поселок, особенно бросающийся в глаза новизною только что срубленных изб, одна из которых несколько выше других, украшенная затейливой резьбой, с громадным деревянным петухом на коньке, вращавшемся даже при легком дуновении ветра, особенно выделялась от остальных построек, быть может, и потому, что стояла на самом краю поселка.

Было около полудня на другой день после разговора Антиповны с Максимом Яковлевичем. Ксения Яковлевна стояла задумчиво у окна второй горницы, и, следя по направлению ее взгляда, можно было догадаться, что внимание девушки всецело поглощено созерцанием высокой избы нового поселка с вращающимся на коньке деревянным петухом.

Сестра Максима Строганова была высокая, стройная девушка, умеренной полноты, с неособенно правильными чертами миловидного личика, украшением которого служили темные, карие, большие глаза и тонко очерченные ярко-красные губки. Заплетенные в одну косу, спускавшиеся далеко ниже пояса светло-каштановые волосы, видимо, оттягивали своей тяжестью голову их обладательнице.

На Ксении Яковлевне был надет голубой штофный сарафан, обшитый серебряным галуном, высокая грудь колыхалась под снежной белизны тонкой сорочкой, с широкими рукавами, спускавшимися буфами ниже локтя и открывавшими часть полной руки с выхоленными тонкими пальцами.

Двойная нитка крупного жемчуга покоилась на полуоткрытой шее цвета лепестков белой чайной розы. Бледный румянец на щеках и какая-то дымка затаенной грусти, не сходявшей с личика девушки, да сосредоточенный взгляд прекрасных глаз объясняли опасения няньки, что ее питомице недужится.

Девушке на самом деле было, видимо, не по себе, если не физически, то нравственно. Ее, казалось, угнетало какое-то горе. Это угадывалось по осунувшемуся лицу, в грустном взгляде глаз и глубокой складке, вдруг появившейся на ее точно выточенном из слоновой кости лбу. Видимо, в ее красивой головке работала какая-то неотвязная мысль.

О чем же была эта мысль? Смотрела ли действительно Ксения Яковлевна на вращающегося деревянного петуха высокой избы новоотстроенного поселка или же устремляла свои взгляды на одну ей видимую точку, и мысль эта была далека от высившейся среди новыхстроек избы? Откуда же мог закрасться в светлицу молодой хозяйки счастливого строгановского дома неведомый в нем доселе гость – горе.

Отец Ксении Яковлевны умер несколько лет тому назад, дядя еще ранее, Ксению Яковлевну, тогда еще девочку, действительно сильно потрясла кончина их обоих, особенно отца,

которого боготворила. Она долго, горько и неустанно плакала, но любовь и ласка дяди Семена и братьев Максима и Никиты не дали ей узнать горечь сиротства, и, погрузив около полугода, она утешилась.

Смерть матери она не помнила, так как осталась после нее двухлетним ребенком на руках у Антиповны, а смерть тетки, жены покойного дядя Григория, случилась еще ранее смерти матери.

Какое же горе приключилось с ней именно теперь, почему ей не по себе, почему стоит она у окна светлицы с устремленным вдаль задумчивым взглядом?

Кто ответит на эти вопросы?

Кто разгадает тайну девичьего сердца? Даже сама Антиповна, на что прозорливая старуха, и то стала в тупик, что за напасть стряслась над ее сизой голубкой, и решила, что не иначе как испортили ее кралечку, колдовством изводят, беса, прости господи, подпустили – по подлинному выражению старухи.

Но вот от высокой избы с петухом на коньке вдруг отделилась высокая мужская фигура и пошла по направлению к хоромам. Ксения Яковлевна быстро, точно ужаленная, отскочила от окна, скорее упала, нежели села на покрытую мехом лавку и закрыла лицо руками.

– Это он, он! – чуть слышно прошептала она.

IV Суженый

Войдя в горницу, Антиповна застала свою питомицу сидевшею на лавке с лицом, закрытым руками. Старуха остановилась у притолоки и с немым ужасом созерцала эту картину.

«Что же это такое делается? – мелькало в голове Антиповны. – Кажись, вчера на ночь лобик и грудку крестообразно освященным из неугасимой лампы маслом ей помазала, а поди же ты, не помогает... Тыфу ты, пропасть какая, ума не приложу...»

И старуха даже сплюнула и решительно направилась к девушке, сидевшей закрыв лицо руками.

– Ксюта, а Ксюта, Ксюшенька! – так звала по праву своих лет и положению в доме свою питомицу старая Антиповна.

В доме Строгановых она жила с малых лет. Сначала была девчонкой на побегушках, еще при Анике Строганове, затем горничной, в этом доме она вышла замуж, вынянчила Максима, сына Якова Иоаникиевича, овдовела и наконец была приставлена нянькой к родившейся Аксусе. И сына и дочь кормила сама мать – жена покойного Якова Иоаникиевича.

После смерти обоих хозяев Антиповна вступила в управление всею домашностью и сделалась первым человеком в доме после хозяев.

Ксению Яковлевну, оставшуюся на ее попечении после смерти малолетним ребенком, Антиповна любила чисто материнской любовью. Ей не привел Господь направить нежность материнского сердца на собственных детей. Двое было их, мальчик и девочка, да обоих Бог прибрал в младенчестве, а там и муж был убит в стычке с кочевниками. Одна-одинешенька оставалась Антиповна и все свое любящее сердце отдала своей питомице. Ксения Яковлевна на ее глазах росла, выросла, но для нее оставалась той же Ксюшенькой.

– Ксюша, а Ксюша, Ксюшенька! – повторила старуха.

– А? Что? Это ты... няня... – вздрогнула девушка и отняла от лица руки.

– Что с тобой, Ксюшенька, чего ты убиваешься?... Глянь, на лице-то кровинки нет, краше в гроб кладут...

– Я, няня, ничего. Так, неможется...

– Да что болит-то, родная, скажи ты мне...

– Я и сама не знаю, няня...

– Как не знаешь, чай, ведаешь, где боль-то чувствуется...

– Да нигде у меня, няня, не болит.

– Оказия! С чего же это ты охаешь да кручинишься?

– Скучно мне, няня, скучно...

– Скучно... – протянула старуха. – Как это скучно? Всю жизнь прожила, скуки не ведала.

– Места не найду себе нигде, няня. Кажись бы, ушла куда-нибудь отсюда за тридевять земель в тридесятое царство... Убежала бы...

– Окстись, родная, куда же тебе бежать из дома родительского! Срам класть на свою девичью голову... Что ты, что ты, Ксюшенька! Смущает тебя он...

– Кто – он? – встрепелась девушка и бросила на свою няню тревожный взгляд.

– Известно кто! Враг человеческий...

– А-а... – облегченно вздохнула Ксения Яковлевна.

– Погодь, родная, недолго... – заговорила снова Антиповна, присаживаясь рядом. – Явится добрый молодец, из себя красавец писанный, поведет мою Ксюшеньку под святой венец и умчит в Москву дальнюю, что стоит под грозными очами царевыми, и станет моя Ксюшенька боярыней...

– Не бывать тому, нянюшка... – вдруг резко оборвала Ксения Яковлевна.

Старуха даже опешила.

– Как не бывать, родная! Не вековухой же тебе оставаться, такой красавице... – начала она снова, придя в себя от неожиданности. – Самой тебе, чай, ведомо, что в Москве о тебе боярское сердце кручинится. Может, и скука-то твоя перед радостью. В дороге, может, твой суженый...

– Нет у меня суженого!.. – с грустной улыбкой снова перебила ее девушка.

– Как нет! А посол-то царский, что летось приезжал с грамотой? Тогда еще Семен Аникич говорил, как ты ему со взгляду и полюбила, только и речи у него было, что о тебе, после того как увидел тебя при встрече... И теперь переписывается с Семеном Иоаникиевичем грамотами, все об тебе спрашивается... Видела я его тогда, из себя молодец, красивый, высокий, лицо бело-румяное, борода пушистая, светло-русская, глаза голубые, ясные... Болтала и ты тогда, что он тебе по нраву пришелся... Он – твой суженый...

Девушка молчала. Чуть заметная печальная улыбка продолжала мелькать на ее побледневших губах.

Старуха между тем продолжала:

– Боярский сын он. Отец-то его у царя, бают, в приближении и милости... Наглядишься ты на московские порядки под очами царскими, скуку-то как рукой снимет... Может, и меня, старуху, возьмешь с собой...

Антиповна остановилась и пытливо посмотрела на свою питомицу, как бы ожидая от нее ответа. Но ответа не последовало.

– Что ты молчишь, как истукан какой остяцкий? – рассердилась старуха. – Слова не выговоришь...

– Все пустое, нянюшка... – чуть слышно произнесла Ксения Яковлевна.

– Как пустое!.. – вспыхнула Антиповна. – Это с каких таких пор старуха-нянька тебе пустые речи говорить стала?.. Дождалась я от своей Аксютки доброго слова, дождалась... И на том спасибо...

– Не то, няня, не то... – взволнованно перебила ее девушка. – Не люб мне этот твой суженый.

– Не люб? – удивленно вскинула на нее взгляд Антиповна. – А кто же люб тебе?

В голосе старухи прозвучали строгие ноты.

– Никто! – после чуть заметного колебания отвечала Ксения Яковлевна.

Антиповна не заметила этого колебания, но продолжала смотреть на свою питомицу недоумевающе.

– В монастырь я хочу, нянюшка, в монастырь...

– В монастырь! – ужаснулась старуха. – Час от часу не легче! То в бега собирается, то в монашки. В монастырях-то и без того мест не хватает для девиц бездомных, для сирот несчастных, а тебе от довольства такого, от богатства, в таких летах в монастырь и думать не след идти. Молиться-то Богу и дома молись, молись хоть от зари до зари.

– Не могу я здесь молиться-то, – словно невзначай, против воли, вырвалось у девушки.

– Что-о-о? – с выражением ужаса на лице вскочила с лавки Антиповна.

Но Ксения Яковлевна не повторила своих слов. Старуха тоже молча стояла перед нею.

«Околдовали, беса вселили, отчитывать надо», – мелькало в ее голове, и она широким взмахом правой руки, сложенной в двуперстие, перекрестила девушку.

На губах Ксении Яковлевны мелькнула улыбка. И это привело в окончательное недоумение Антиповну. Она ожидала, что от креста с молитвой, которую она шептала, девушка упадет в корчах и потому, жалея ее, не решалась до сих пор прибегать к этому средству, даже оставила свой обычай крестить ее на ночь и вдруг после креста явилась первая за последнее время улыбка на грустном лице питомицы.

«Что же это?.. И крест с молитвой на нее не действует, – мысленно соображала Антипона. – Или, быть может, – напало на нее утешительное сомнение, – не колдовство тут и бес ни при чем, просто замуж ей пора, кровь молодая играет, бушует, места не находит... Доложить надо Семену Аникичу, он ей вместо отца, пусть отпишет в Москву жениху-то... Один конец сделать, а то изведется дотла ни за грош, ни за денежку...»

Этот суженый действительно существовал не в одном воображении старухи. За год до начала нашего повествования к Строгановым приезжал с жалованною грамотою царский гонец, боярский сын Степан Иванович Обносков. Боярский род Обносковых был не из древних. Дед Степана – из мелких татарских князьков; перебежав в Москву в княжение Иоанна III, принял святое крещение. Дело это было зимой, и он был пожалован шубой с царского плеча и званием дворянина. Перебеги он летом, то вместо шубы за ним было бы оставлено княжеское достоинство. Иоанн III, скупой и экономный, наградил своего нового дворянина небольшой вотчиной и заставил нести дворцовую службу.

Из характера бывшего татарского князя передались его потомству вкрадчивость и угодливость, качества неоценимые во все века и у всех народов для приближенных к властителю. Эти качества, перешедшие как родовое наследие и самое драгоценное к отцу Степана Обноскова, Ивану, сделали то, что при великом князе Василии III Иоанновиче род Обносковых был возведен в боярство, но материально их благополучие от этого не улучшилось.

В царствование Иоанна IV, не любившего древних, непоклонных, туговыйных бояр и князей, Иван Обносков стал играть при дворе некоторую роль и был одним из первых бояр, вступивших в опричину. Его сына Степана государь определил к посольским делам. В качестве царского гонца и приехал он к Строгановым, был очарован их радушием, приветливостью и гостеприимством, а более всего красотою племянницы Семена Иоаникиевича – Ксении Яковлевны.

Когда она вошла, окруженная своими сенными девушками, одетая в сарафан из серебряной парчи, красиво облежавший ее полный упругий стан, со встречным кубком к приезжему гостю, когда глянула на него своими прекрасными большими глазами, Обносков окончательно ошалел. Как во сне прошел перед ним «поцелуйный обряд», во время которого молодая хозяйка должна была облобызать встречаемого гостя. Он очнулся уже тогда, когда за дверями горницы исчезала последняя сенная девушка, ушедшая вслед за Ксенией Яковлевной. Губы его, ему казалось, были сожжены этим холодным, обычным поцелуем.

– Много я, Семен Иоаникиевич, на Москве красавиц видал, а такой, как твоя племянница, не видывал, – сказал он дрожащим голосом.

– Ничего, девка средственная, из дюжины не выкинешь... – улыбаясь, ответил Строганов.

– Какой там из дюжины, едва ли другая, вторая сыщется...

И действительно, все дни, что прогостил у Строгановых «царский посланец», только и разговоров у них было с дядей и с братьями про Ксению Яковлевну.

В день отъезда гостя она снова вышла с прощальным кубком.

Степан Обносков уехал в Москву очарованный, с полусогласием Семена Иоаникиевича и Максима Яковлевича начинать сватовство.

В сравнительной скорости пришла от него из Москвы с одним приезжим в Великую Пермь торговым человеком грамотка, в которой Степан Иванович объяснил, что отец и мать его согласны и заранее, по одному его описанию, уже полюбили свою будущую дочь, только надо-де испросить царскую волю, а для того улучшить время, когда царь будет в расположении, чего, впрочем, вскорости ожидать, пожалуй, нельзя, потому что Иван Васильевич гневен и в расстройстве, ходит туча тучей и не приступиться.

Вторая грамотка, присланная незадолго до описанных нами событий, была почти того же содержания, но в ней выражалась надежда на скорую возможность попасть в добрую минуту к царю, так как стал он отходчивее.

Семен Иоаникиевич и Максим Яковлевич говорили о том и Ксении Яковлевне, и она ответила, что будущий жених ей не противен.

Вот о ком говорила Антиповна, называя Обноскова «суженым».

V

Семен Строганов

Придя к тому выводу, что волнение молодой крови единственная причина недомогания Ксении Яковлевны, старуха Антиповна снова присела рядом со своей питомицей и начала ласковым, вкрадчивым тоном:

– Ты бы, Ксюшенька, родная, потешалась чем ни на есть со своими сенными девушками, песню бы им приказала завести веселую, а то я крикну Яшку, он на балалайке тебе сыграет, а девушки спляшут, вот и пойдет потеха.

Яшка – один из челядинцев Строгановых – был виртуоз на балалайке, его часто призывали, чтобы тешить молодую хозяйшку и ее сенных девушек, среди которых многие сильно вздыхали по чернокудром, всегда веселом, высоком и стройном молодце.

– Надоело, няня, скучно... – ответила девушка.

– Ишь ты какая, – через силу улыбнулась старуха – и ума я, старая, не приложу, чем тебя и потешить... Хочешь, сказку расскажу?..

– Слышала я их все... Все старые...

– Где же новых-то взять, касаточка, слагать я не мастерица... В старину они, сказки-то, умными людьми сложены и идут от отцов к детям...

– Я все их сама знаю на память...

– Это и хорошо, деткам своим будешь рассказывать.

Девушка сперва вспыхнула, затем снова побледнела, но не сказала ни слова.

– Али поработать выйди в переднюю горницу, девушки там уже с утра за работой сидят, да петь не смеют, так как ты не выходишь к ним...

– Пусть поют, мне что же.

– Да ты выйди к ним, поработай, может, за работой тебе полегчает...

– Пожалуй, пойду... – нехотя сказала Ксения Яковлевна, видимо, только для того, чтобы отвязаться от Антиповны, встала и пошла в первую горницу.

Старуха последовала за ней, задумчиво качая своей седой головой в черной шелковой повязке. Девушка молча вошла в рукодельную, молча поклонилась вставшим сенным девушкам, жестом руки разрешила им снова садиться за работу и молча села за пяльцы. Антиповна обвела пронизательным взглядом всех девушек, остановила несколько долее пристальный взгляд на Ксении Яковлевне и вышла из светлицы. Она направилась в горницу, занимаемую Семеном Иоаникиевичем Строгановым, где застала его сидящим за большим столом, заваленным пробными мешочками соли, кусками железа, олова, за чтением какой-то грамотки и то и дело делавшим выкладки на больших счетах. Горница главы рода Строгановых была большая и светлая, а по убранству чрезвычайно простая, прямой контраст с горницами, занимаемыми его любимой племянницей. Стены, потолок и пол были тесаного дуба, ничем не обитые и не рисованные, мебель состояла из ясеневых стола и таких же лавок и больших шкафов.

Семен Иоаникиевич был еще не старый человек, лет пятидесяти с небольшим, но казался даже моложе своих лет. Невысокого роста, средней полноты, с фигурой, о которой русский народ говорит «неладно скроен, да крепко сшит», с обстриженными в кружок русыми волосами и длинной бородой, в которой только изредка мелькали серебристые нити седых волос, с открытым, чисто русским лицом и светлыми, почти юношескими глазами, он производил впечатление добродушного, отзывчивого, готового всегда на всякую помощь, «души-человека».

Таков он был на самом деле.

При старших братьях, как мы знаем, он не касался дел и даже считался неспособным, «маленько тронутым», как выражались о нем братья. Происходило это потому, что Семен Иоаникиевич был всегда задумчив и вставлял свое слово лишь тогда, когда надо было за кого-

нибудь заступиться, кому-нибудь помочь в беде, кого-то выручить в несчастье. Он вызывал некоторое сочувствие в сравнительно мягком сердце второго брата своего Григория, но старший Яков был суров нравом и обрывал его неизменной фразой: «Ну, понес окоlesiцу, сердо-болец!»

Хотя и в шутку, но Яков Иоаникиевич часто говорил:

– В нашей семье, что в сказке о трех братьях: «старший умный был детина, второй так и саяк, третий вовсе был дурак».

Когда же оба старших брата сошли в могилу, этот третий брат оказался не только не «вовсе дураком», а опытным руководителем знакомого ему во всех подробностях дела, к которому он при жизни братьев внимательно приглядывался. Он привлек к делу и своих взрослых племянников, но они невольно подчинились его знаниям и опыту. Душою дела остался дядя Семен, хотя он во всех официальных случаях выдвигал и их, как полноправных хозяев в деле, что, конечно, приятно щекотало их самолюбие и вызывало к нему искреннюю сердечную признательность. В доме поэтому не было распрей, как это бывает при совместном владении, а была тишь, гладь и Божья благодать.

Увидев Антиповну в горнице, он поднял голову от грамотки и счетов, быстро встал и тревожно спросил:

– Это ты Антиповна? Что случилось? Как Аксюша?..

– Об ней-то я, батюшка, Семен Аникич, и пришла доложить твоей милости...

– Что такое?.. Хуже ей?.. – еще более взволнованным голосом спросил Семен Иоаникиевич.

Старый холостяк, потерявший в молодости свою невесту, полоненную татарами, на безуспешные розыски которой употребил десятки лет, он всю силу своей любви направил на свою племянницу, заменив ей действительно отца после смерти брата Якова.

Хотя злые языки указывали, быть может, не без основания, на ключницу Марфу, разбитную, еще далеко не старую бабенку, как на «предмет» Семена Иоаникиевича, но в этих отношениях, если они и существовали, не было и не могло быть любви в высоком значении этого слова. Любил Семен Иоаникиевич из женщин только одну свою племянницу, хотя это не мешало ему любить весь мир своим всеобъемлющим сердцем.

Понятно, что доведенное до его сведения, как главы дома, страшное недомогание девушки его сильно обеспокоило.

– Хуже, не хуже, батюшка Семен Аникич, ноне даже улыбнулась она, но только я, кажись, додумалась, откуда эта хворь ее идет, батюшка...

– Додумалась?.. Откуда же?

Он нервно затеребил поля своего простого, черного сукна, кафтана.

Антиповна между тем довольно пространно и по порядку стала передавать ему весь ход хвори своей питомицы и принятые ею меры, вплоть до смазывания ее лба и грудки освященным маслом из неугасимой лампадки и осенение крестом с молитвою.

– Не болезнь это, батюшка, не сглаз, не колдовство и не бесовское наваждение, – закончила она свой рассказ.

– А что же, по-твоему? – спросил Семен Иоаникиевич.

– Пора пришла, батюшка, пора...

– Какая «пора»?

– Известно, изволь, батюшка Семен Аникич, девичья...

– Что-то я в толк не возьму, к чему ты речь ведешь.

– Замуж ее выдавать надо...

– А, вот оно что...

– Кровь забушевала, девка-то и туманится...

– Как же быть-то, Антиповна?

- Говорю, замуж ей пора.
- Слышу. Да за кого выдавать-то?
- Про это тебе, батюшка Семен Аникич, ведать лучше.
- То-то и оно, что московский-то жених далеко, да и дело-то не ладится...
- А ты отпиши ему, батюшка, чтобы поспешил...
- Отписать не труд, да до Москвы-то не ближний свет, пока ответную пришлет грамотку, пока сам пожалует, много, ох, много пройдет времени...
- Это-то ничего, болезнь-то эта не к смерти, перенедужится, Бог даст и полегчает, а все же со свадьбой надо поспешить. Неча откладывать, девушка в поре...
- Я сегодня же отпишу и гонца пошлю, – сказал Семен Иоаникиевич.
- Отпиши, батюшка, отпиши... Дело доброе.
- А ты все-таки за ней поглядывай, Антиповна, чем-нибудь да попользуй. Потешь чем ни на есть... Песнями ли девичьими или же Яшку кликни.
- Предлагала ей, батюшка, и то и другое. Не хочет. Да ты не сумлевайся, я уж как зеницу ока берегу ее, с глаз не спускаю... Травкой ее нынче еще попою, есть у меня травка, очень полезительная, может, подействует, кровь жидит, а ей это и надо. Сейчас только в голову вошло, забыла я про нее, про травку-то. Грех какой, прости господи.
- Попой, попой травкой. Она ничего... Не повредит...
- Где повредит! Не такая травка... Прощенья просим, батюшка Семен Аникич.

И старуха, отвесив Строганову поясной поклон, вышла. Почти на пороге горницы Семена Иоаникиевича она столкнулась лицом к лицу с мужчиной среднего роста, брюнетом с черной, как смоль, бородою и целой шапкой кудрявых волос. Лицо у него было белое, приятное, но особенно хороши были быстрые, как бы светящиеся фосфорическим блеском глаза, гордо смотревшие из-под густых соболиных бровей. Одет он был в черный суконный кафтан, из-под которого виднелась красная кумачовая рубашка, широкие такого же сукна шаровары, вправленные в мягкие татарские сапоги желтой кожи, с золотыми кистями у верха голенищ.

Антиповна шарахнулась в сторону и чуть не позабыла ответить на почтительный поклон столкнувшегося с ней парня. Она узнала в нем того «нового желанного гостя» Строгановых, которого обвиняла накануне перед Максимом Яковлевичем в порче своей питомицы, – Ермака Тимофеевича.

Он шел к Семену Иоаникиевичу для совещаний по важному делу. От своих разведчиков он узнал, что мурза Вегулий с семьями вогуличей и остяков появился на Сысьве и Чусовой и разграбил несколько селений. Надо было остановить дерзкого кочевника, который при успехе мог пойти и далее. Об этом-то и пришел посоветоваться с Семеном Иоаникиевичем Строгановым Ермак Тимофеевич. Он мог назваться «новым гостем» Строгановых только потому, что с недавнего времени стал часто вхож в хоромы. Близ же этих хором, на новой стройке, он жил уже года два в высокой избе с вертящимся петушком на коньке.

Но прежде чем продолжать наш рассказ, нам необходимо ближе познакомиться с этою выдающеюся историческою личностью, которая явится центральной фигурой нашего правдивого повествования и героем разыгравшейся на «конце России» романической драмы.

Жизнь Ермака Тимофеевича до его появления во владениях братьев Строгановых была полна всевозможными приключениями, почву для которых создавало более трех веков тому назад государственное устройство или, лучше сказать, неустройство России.

VI

Русская вольница

Началом государственного устройства России следует несомненно считать царствование Иоанна III, со времени женитьбы его на племяннице византийского императора Софье Палеолог, до того времени проживавшей в Риме. Брак этот состоялся в 1472 году. Новая русская великая княгиня была красивая, изворотливая и упорная принцесса с гордым властительным нравом. За нее сватались многие западные принцы, но она не хотела соединить свою судьбу с католиком.

Папа предложил ей брак с московским князем, слух о котором, как об искусном политике, проник на запад. Он надеялся с помощью этой московской княгини внести в Москву унию и поднять крестовый поход против турок. Но папа ошибся в своих расчетах.

Великая княгиня Софья слишком строго держалась правосудия, чтобы стать орудием Рима. Не в религии, а в политике проявилось ее влияние.

Под этим влиянием был поставлен в России ребром вопрос о самодержавии и началась борьба старины с новой властью, длившаяся полтора века. Современники называли это время «началом смуты». Бояре говорили:

– Когда пришла сюда Софья, то наша земля замешалась. Великий князь обычаи переменил: он перестал советоваться с нами, а все дело вершит, запершись у себя сам-третей со своею княгинею да с наперником.

Бояре и князья ее ненавидели. Это объясняется тем, что она внушила Иоанну обращаться с ними как с подданными и окружать себя пышностью и почти церковною обрядностью византийских императоров.

Придворные обычаи и порядки Царьграда перешли к Москве, сделавшейся Третьим Римом. Византийский черный двуглавый орел стал московским гербом. Появились греческие придворные чины: постельничьи, ясельничьи, окольныхчи. Иоанна стали называть царем, били ему челом в землю. При дворе совершались великолепные и пышные церемонии.

Великий князь, сделавшись царем, стал недоступен, суров и гневен. Он строго наказывал бояр за малейшую провинность, не позволял им отъезжать из Москвы, казнил их и лишал имущества.

Государство начало принимать стройный вид.

Бояре, лишившись права отъезда, перестали сутяжничать и исполняли свои обязанности. Под строгим надзором князя они стали заведовать делами, которые впервые были разделены по своему содержанию, рассортированы.

Иоанн III одним из бояр приказывал вершить одни дела, другим – другие – так образовались приказы – род министерств.

Постепенно взводился порядок и в сельском, и в городском управлении. Все должны были платить определенную подать, для чего писцы ездили по стране, составляли «писцовые книги», то есть делая перепись населения. Кроме податей Иоанн III собирал много разных пошлин с внутренней торговли.

При таком условии государственного строя немислимо было чужеземное иго, хотя и самое слабое.

Внешняя политика должна была преследовать более широкие цели, чем прежде. Она сосредоточилась на двух задачах уже не местного московского значения. Это, с одной стороны, «восточный вопрос» того времени – уничтожение татарского ига, с другой – вопрос западно-европейский: борьба с Польшей.

Татарская сила постоянно слабела, по мере развития русского народа. Явственно сокращались даже ее внешние пределы. Понемногу исчезало самое раздолье степняков – это без-

брежное море роскошных трав с переливающимися цветами, могильная тишина которого нарушалась лишь писком ястреба вверху да таинственным шелестом внизу, когда не раскидывался на нем случайный табор кочевников. Здесь еще со времен «бродников XII века» кишела русская вольница, вроде молодцов-повольничков.

Позднее, когда у Оки и нижнего Днепра образовалась живая изгородь засечной стражи, вольница разрасталась от притока станичников, следы которых видны и теперь в насыпях и курганах южнорусских губерний. Это легкое воинство приобретало привычки степняков и заимствовало у басурман имя казаков – как назывались у татар воины.

Казачество порождалось двумя причинами – внутренней и внешней. Быстрое усиление самодержавия, к которому еще не приспособилась первобытная вольность населения, да бедность государства поддерживали привычку «разбрестись разном».

Татары также заставляли народ разбегаться, да еще придавали нравственную силу беглецам, освещая их выход из русского строя знаменем борьбы с иноверными иноплеменниками.

Казаки – сброд всяких выходцев из Руси, в особенности же холопов. Эти нищие бежали из южных окраин или Украины в чисто поле древних богатырей. Там встречало их привольное житье. Там был полный простор для силы-волюшки, которая еще ходила ходуном по косточкам и просилась «волевать» – охотиться.

А продовольствия было достаточно для невзыскательной головы, которая не дорожила собою: всегда можно было «показаковать» насчет татар, а в крайнем случае и за счет своих.

Беглецы составляли общины, связанные крепким духом товарищества и управляемые сходкою, или кругом, который избирал атамана.

С ними ничего нельзя было поделаться, при слабости государственного порядка, при отсутствии границ в степи. К тому же они приносили существенную пользу своею борьбою с татарами и заселением травянистых пустынь. Вот почему правительство вскоре бросило мысль «казнить ослушников, кто пойдет самодурью в молодечество». Оно стало прощать казакам набеги и принимало их на свою службу, с обязательством жить в пограничных городах и сторожить границы.

Так образовался среди этой вольницы оседлый отдел – казаки городские, или сторожевые. Они возникли преимущественно на Дону и больше из рязанцев – летопись впервые глухо упоминает о них при Василии Темном.

Но с течением времени, по мере ослабления татар, казачество распространялось по всем южным окраинам, в особенности же на низовьях Днепра. Новые пришельцы, с характером еще не установившимся, кочевали, уходили подальше в степь и не признавали над собой никакого правительства. Эти вольные или степные казаки были народ опасный, отчаянный, грабивший все, что ни попадалось под руку. Они одинаково охотно дрались и с татарами, и со своим братом – городским казаком.

В описываемое нами время особенно отважна была донская вольница, которая господствовала на водах Волги, не давала проходу как азиатским, так и русским купцам и царским послам.

Грозный Иоанн IV несколько раз высылал воинскую дружину на берега Волги и Дона, чтобы истребить этих хищников. В 1577 году стольник Мурашкин, предводительствуя сильным отрядом, многих из них взял в полон и казнил. Но другие не смирились, уходили на время в степи, снова являлись и злодействовали на всех дорогах, на всех перевозах.

В быстром набеге они взяли даже столицу ногайскую город Сарайчик, не оставив в нем камня на камне, и ушли с богатою добычею, раскопав даже могилы и обнажив мертвецов.

К числу самых буйных, наводивших страх на государство представителей этой вольницы были Ермак (Герман) Тимофеевич, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещерик. Все пятеро отличались редким удальством.

Из них Иван Кольцо был осужден на смерть самим царем Иоанном IV, но счастливо избегал поимки. Он был правой рукой атамана Ермака Тимофеевича, его закадычным другом, делившим с ним и труды и опасности разбойничьей жизни.

Мы описали уже наружность этого «народного героя». Скажем несколько слов о его прошлом и именно потому несколько слов, что это прошлое очень мало известно. Не любил он подробно касаться его сам даже в дружеской беседе.

Какого был происхождения русский удалец, носивший, по словам Карамзина, нерусское имя Герман, вероятнее же Гермоген, видоизмененное в Ермака, положительно неизвестно. Существует предание, что отец его занимался тоже разбойным делом, вынужденный к тому крайностью, рискуя в противном случае осудить на голодную смерть хворую жену и любимца-сына. Перед смертью он завещал последнему остаться навсегда бобылем, чтобы семья не заставляла его взяться за нож булатный.

Ермак свято исполнял первую часть завета отца, но и жизнь бобыля, подначального работника не пришлась по его нраву. Ему, как и отцу, не улыбнулось счастье в частной жизни, несправедливые обиды зажиточных людей оттолкнули его от них, и он бросился в вольную жизнь, взявшись тоже за булатный нож.

Скоро имя его стало громко по злодеяниям, но вместе с тем было окружено ореолом «геройства». Это объясняется тогдашним взглядом народных масс на разбойников, которые имели недоступную для других, но заманчивую силу уйти из-под гнета воевод и подьячих и добывать себе средства для привольного житья грудь с грудью, ценою своей жизни. Оттого-то в русских народных песнях встречается почти всегда ласкательное слово «разбойничек».

Также покрыты мраком неизвестности и первые шаги Ермака Тимофеевича в роли «разбойничка». История застает его уж во главе огромной шайки, в звании атамана с есаулом Иваном Кольцом.

Теснимый воинственным и неутомимым астраханским воеводой Мурашкиным, Ермак ушел с Волги далее на северо-восток и добрался до Камы. Здесь впервые он узнал о существовании целого «промышленного царства» Строгановых у подошвы Урала.

Узнал он также, что это «царство» нуждается в ратных людях для защиты своих владений от зауральских татар, вотяков, остяков, вогуличей и прочей погани мухомеданской и языческой.

Нашло раздумье на Ермака. Довольно пролил он крови христианской, добился того, что на Москве уже готова для него петля, что назначен выкуп за его буйную голову – пора и честь знать! Лучше идти бить неверных, нечисть-то эту и убить не только не грех, а что паука раздавить – семьдесят грехов, чай, простится за каждого.

А много грехов у него на душе! Посбавить бы маленько следовало! Запала ему эта мысль в голову – колом не вышибешь. И спит и видит идти в «строгановское царство».

Призвал он на совет Ивана Кольцо, тот одобрил план своего друга.

– А наши пойдут ли за нами? – с сомнением спросил его Ермак.

– За тобой-то, атаман! В чертово пекло пойдут, а не то что к Строгановым.

Так и порешили.

VII

Иван Кольцо

Года за два до начала неожиданного и негаданного недомогания Ксении Яковлевны Строгановой, повергшего ее дядю Семена Иоаникиевича в большое беспокойство, в «строгановском царстве» произошло тоже неожиданное и негаданное событие, которое, как впоследствии увидит читатель, имело непосредственную связь со странной «хворью» молодой хозяйки строгановских хором, о причинах которой недоумевала старуха Антиповна.

Однажды ранним утром, когда Семен Иоаникиевич только что успел умыться, одеться и помолиться Богу, к нему в опочивальню вошел его старый слуга Касьян, служивший в доме Строгановых еще при отце, Анике Строганове. Ему было, по его собственным словам, «близ ста» лет, но, несмотря на это, он был еще очень бодр и крепок, с ясными, светло-серыми глазами и крепкими белыми зубами, которые так и бросались в глаза при частых улыбках этого добродушного и веселого нрава старца, судя по седым как лунь волосам и длинной бороде.

В доме все челядинцы относились к нему с уважением и называли по отчеству Дементич. Касьяном звал его только сам Строганов, и это было уже освящено обычаем.

– Что скажешь, Касьянушка? – спросил его Семен Иоаникиевич. – Что случилось?

Строганов знал, что старик напрасно не потревожит его в опочивальне.

– Да там, во двор, батюшка Семен Иоаникиевич, пришли невесть какие люди, в хоромы просятся до твоей милости.

– Какие люди?

– А кто их знает, батюшка... Говорят, вольные...

– Вольные?..

– Дело есть до твоей милости.

– Много их?

– Пятеро.

– Все в хоромы просятся?

– Никак нет. Один просится, во-видимому, их наибольший.

– Что же, пусть войдет, – сказал Семен Иоаникиевич и вышел вслед за Касьяном в соседнюю горницу, ту самую, в которой он беседовал с Антиповной по поводу необходимости выдать скорее замуж Ксению Яковлевну.

Через несколько минут в горницу вошел высокий, стройный, еще молодой парень, одетый в кафтан тонкого синего сукна, опоясанный широким цветным шелковым поясом.

Лицо его было некрасиво, но на нем лежала печать какой-то бесшабашной удали, которая выражалась и в насмешливом складе губ, красневших из-под русских усов и небольшой окладистой бородки, и во всей его прямой, даже почти выгнутой назад фигуре, в гордо поднятой голове с целою шапкой густых волос, вьющихся в кудри.

– Здоровы будете... – поклонился он Семену Иоаникиевичу легким поклоном, истово перекрестившись на большой образ Божьей Матери, висевшей в переднем углу горницы в богатом кованом золотом окладе.

– Здравствуй, молодец. Откуда Бог несет?..

– С Волги, Семен Аникич, – просто отвечал тот, точно уже много лет знакомый хозяину.

– С Волги, – повторил Строганов. – Велика матушка Волга...

– Вся была наша, – тряхнул густыми волосами вошедший.

– Чья это ваша? – возразил купец Семен Иоаникиевич.

– Вольных людей.

– А-а... Зачем пожаловал?

– К твоей милости, купец.

- С чем?
- С услугою.
- Вот как! Какую же услугу ты можешь оказать мне?
- Понаслышаны мы были давнехонько о вашей сторонущке. Богатая она страсть и при-вольная. Нет в ней ни воевод, ни стрельцов, жить можно вольготно, не опасаясь. Остяки, бают, да всякая нечисть беспокоит порой, ну да на них управу найти можно...
- Один, што ли, ты с ними справишься?
- Зачем один? Нас много... Сот семь наберется...
- Все с Волги?
- Откуда же больше? Она была наша кормилица.
- А теперь...
- Теперь царь засиле взял. Казань сложил, Астрахань... Воеводы да стрельцы кишмя кишат на Волге-то... А нам это не на руку.
- Кому же это?..
- Известно: вольнице.
- А ты кто такой?
- Есаул Иван Иванович, по прозвищу Кольцо...
- Храбр же ты, молодец, коли так напролом и лезешь к незнакомым людям. Али тебе неведомо, что царь цену назначил за твою голову?
- Как неведомо? Ведомо...
- А что дороги тебе отсюда назад не найти, не опасаясь?..
- Я опаску, купец, уже давно потерял, да и найти не хочу ее... Слухом о Строгановых земля полнится, не такие они люди, чтобы на деньги польстились и вольную казацкую голову воеводам, приказным подьячим и прочей царской челяди продать... Да и голову я свою ценю подороже, чем ценит ее царь Иван Васильевич, даром тоже не отдам. Трудно с Кольцом будет справиться. – Он тряхнул действительно могучими богатырскими плечами. – А коли одолеют, так тут неподалеку Ермак станом стоит, своего есаула не выдаст, выручит или жестоко отомстит за него, все в щепки разнесет...
- Ермак, говоришь?.. – переспросил его Семен Иоаникиевич, и голос его невольно дрогнул при этом имени.
- Грозная слава Ермака с уstraшенных им берегов Волги донеслась до запермского края и невольно даже на властных людей производила впечатление.
- Да, атаман Ермак Тимофеевич, – отвечал Иван Кольцо.
- Семен Иоаникиевич некоторое время молчал как бы в раздумье. Иван Кольцо смотрел ему пытливо в глаза смелым взглядом.
- Не ошибся ты, добрый молодец, не такие люди были и есть Строгановы, чтобы выдать головы гостей своих. Без опаски можешь быть под нашею кровлею.
- Я опаски еще в жизни, купец, не испытывал, докладывал тебе кажись об этом... Не Ивану Кольцу опасаться кого, а его опасаться надобно, – как-то естественно просто прозвучала в устах есаула эта хвастливая фраза.
- Что нам о том препираться с тобой? Выкладывай лучше дело, добрый молодец. С чем вы к нам прийти надумали?
- Вот это слово твое, купец, правильно. Сейчас все тебе выложу, по душе, по совести...
- Садись, – сел на лавку Семен Иоаникиевич.
- И постоим перед твоей милостью...
- Чего стоять? В ногах правды нет. Садись...
- Коли приказываешь... Гость, известно, невольник...
- Иван Кольцо сел рядом с хозяином.
- Говори, добрый молодец, а я послушаю.

Иван Кольцо откашлялся и начал:

– Вот оно что, купец, надоело и мне и атаману разбойничать. Прискучило дело это... А об вас, купец, слухом земля полнится, что житье у вас вольное, без воевод, подьячих и приказных, только одна лиха беда – соседи дикие, беспокойны, ну да нам-то они и на руку, и решили мы с атаманом ударить вам челом с просьбицей... Отрежьте нам землицы, лесу на избы пожалуйте, кое-что из хозяйства для пропитания, построимся мы и заживем тихо, мирно, никого не тревожа, а как придут из-за гор гости нежданно, татарва поганая, остяки или вогуличи, то с ними мы начисто разделаемся, будут нас долго помнить нехристи... Оберегать, значит, вас будем в оплату за милость. И вам и нам хорошо будет... Вот и сказ весь.

Иван Кольцо замолчал. Семен Иоаникиевич сидел в глубоком раздумье. Предложение Ермака было более чем кстати. Земли у Строгановых жалованной глазом не окинешь, а защиты, почитай, никакой нет. Есть служивые люди, да что в них толку? Мужичье, трусы, увидят со стрелой татарина или вогуляка и драло, пищали побросают, врассыпную ударятся, прямо вахлаки. Есть и удалыцы между ними, да немного, и их приходится посылать со стругами в Астрахань. Вот и теперь Мещеряк с отборными людьми где-то запропастился, давно бы вернуться следовало, а его нет как нет. А недавно тут налетели татары и разграбили один поселок начисто. Вот тут поди и пушки есть, и пищали, на всех московских стрельцов хватило бы, а людей нет, чтобы с ними управиться.

Ермаковы люди-то золото, удалец, чай, к удалыцу, по есаулу видать, но только грозна и царская грамота, в ней беглых людей принимать заказано под страхом опалы царской и отобрания земель... Далеко, положим, от Москвы, доведат ли? Да слухом земля полнится: один воевода пермский по насадкам отпишет в Москву все в точности, да еще с прикрасою. Такую кашу наварить себе, что и не расхлебать ее.

Такие мысли неслись в голове Семена Иоаникиевича.

– Что же, купец, долго думаешь?.. Коли есть на то твое согласие, по рукам давай бить, укажи землю – мы туда напрямик и двинемся... Внакладе не будешь. Все протоки за убытки отработаем.

– Не в том дело, добрый молодец, не за землей, лесом и хозяйством остановка – всего этого у нас – достаточно, и по душе мне челобитье ваше, да как на это решиться, не ведаю...

– В чем же дело?

– Препона есть...

– Какая?

– Царем нам в грамотах заказано принимать беглых, вольницу...

– Какая же мы вольница? Прежде были, а на землю сядем, такие же будем, как и все, – возразил Иван Кольцо.

– Все-таки опаска есть...

– Уж больно ты, купец, опасливый.

– Да и хозяин я здесь не один... – сказал Строганов. – Племянники у меня есть, двое, все мы трое хозяйствуем... Надо с ними поговорить, что они скажут...

– И то ладно, – согласился Иван Кольцо.

Семен Иоаникиевич ударил в ладоши. На этот своеобразный зов явился Касьян.

– Вот что, – отдал приказание вошедшему Семен Иоаникиевич, – отведи ты Ивану Ивановичу, – он рукой указал на Ивана Кольцо, – с его молодцами горницы, напои, накорми, угости гостей досыта. А завтра мы с тобой, добрый молодец, порешим это дело неоповоротливо.

С последней фразой Строганов обратился уже к Ивану Кольцо.

– Слушаю, батюшка Семен Аникич, слушаю, – ответил Касьян поклоном. – Пойдем, добрый молодец.

Иван Кольцо, откланявшись, вышел из горницы в сопровождении Касьяна. Семен Иоаникиевич, не откладывая дела в долгий ящик, прямо прошел к племянникам и передал им предложение Ермака Тимофеевича. Те с пылом молодости ухватились за этот случай.

– Чего тут, дядюшка, раздумывать? – заметил Никита Григорьевич. – Сам Бог посылает нам таких людей... Государь опалился бы на нас, кабы вольница разбойничала, а то она смиренно сидеть обещает и его же людишек оберегать.

С этим мнением согласился и Максим Яковлевич.

– Да и где Москве доведаться? Далеко она... – заметил он.

– Этого не говори... Воевода-то пермский поближе, дознается и отпишет, – сказал Семен Иоаникиевич.

– А почему узнает воевода, какие у нас люди поселились? На них ведь не написано, что они беглые.

– Это-то так, да и нужны нам людишки действительно... – сдался старик Строганов.

– Что и говорить, как нужны! Вестимо, согласиться надо, – в один голос сказали Никита и Максим.

На том и порешили.

VIII

На новой стройке

Ермак Тимофеевич не заставил себя долго ждать. Через несколько дней он с сотнями своих отборных удальцов прибыл в «строгановское царство». Вместе с есаулом Иваном Кольцом он ранее явился к Семену Иоаникиевичу Строганову, принявшему их уже вместе со своими племянниками, и повторил перед ними свое и своих удальцов желание бросить разбойное дело и послужить делу русскому – охране рубежа России от неверных и диких соседей.

Семен Иоаникиевич повторил от своего лица и от лица племянников согласие принять на сторожевую службу Ермака и его людей, отвести им земли и отпустить деревья для постройки изб и хозяйственного обзаведения. Как на отведенную новым поселенцам землю, он указал на местность, лежащую за старым поселком.

– Тут и храм Господен будет вам поблизости, может, и помолиться вашим грешным душенькам захочется.

– Это-то, купец, правильно, давно мы не молились, – заметил со вздохом Ермак Тимофеевич.

– Где же люди-то ваши? – спросил старый Строганов.

– Люди тут поблизости, через час могут быть здесь, коли прикажешь.

– Что же, ведите с Богом, утро погожее...

Разговор происходил ранним утром.

– Может, встретишь нас, Семен Иоаникиевич, – спросил Ермак, – окинешь своим хозяйским глазом слуг своих?

– Встречу, вместе с племянниками встречу, дорога-то мимо усадьбы идет... – отвечал Семен Строганов.

Ермак и Кольцо, отвесив по низкому поклону, вышли.

– Славный парень, – похвалил Семен Иоаникиевич, обращаясь к племянникам по выходе Ермака. Последний действительно произвел на него хорошее впечатление.

– Воеводой ему царским быть, а не разбойником... – сказал Никита Григорьевич.

– Молодец из себя, и в лице нет ничего зверского, – высказал свое мнение Максим Яковлевич.

– Да и есаул его тоже душа, парень, несмотря на то что в Москве на его шею уж сплетена петля, – сказал старик Строганов.

– Тоже удалец хоть куда... Каковы-то их люди? – произнес Максим Яковлевич.

– А вот увидим, – заключил Никита Григорьевич.

С небольшим через час посланные на сторож люди донесли, что Ермак с людьми подходит к усадьбе.

Утро было прекрасное, еще не достигнувшее своего зенита солнышко обливало землю горячими лучами и блестело в каплях невысохшей росы, круглое лето бывающей в том краю.

Семен Иоаникиевич с племянниками вышел к воротам усадьбы. Их сопровождало двое слуг, один из которых держал каравай хлеба с поставленной на него серебряной солоницей, а другой – большой образ царицы небесной в драгоценном окладе. За хозяевами в некотором отдалении толпились любопытные челядинцы, захотевшие хоть одним глазком взглянуть на грозных разбойников, пожелавших стать верными слугами Строгановых.

Весть об этом, после посещения и угощения Ивана Кольца, распространилась быстро по всему строгановскому двору и хоромам, достигла и до светлицы, и Ксения Яковлевна смотрела на приближение Ермака и его людей из открытых окон своих роскошных горниц. Сзади столпились сенные девушки, и даже старая Антиповна встала на лавку, чтобы лучше разглядеть «раскаявшихся душегубов», как она называла Ермака и его людей.

Увидя приготовленную встречу, Ермак Тимофеевич повел своих людей ближе к усадьбе. Диву дались Строгановы, и дядя и племянники. К ним приближались стройные толпы в несколько сотен человек, высоких, рослых, с добродушными, чисто русскими лицами.

– Ужели это разбойники? – невольно мелькнуло не только в их уме, но и в уме всех остальных зрителей.

Впереди шел Ермак, а в первой шеренге справа – Иван Кольцо. Приблизившись к тому месту, где стояли Строгановы и слуги с хлебом-солью и образом, Ермак Тимофеевич снял шапку, истово перекрестился и отвесил Строгановым поясной поклон. То же самое сделали как один человек все его люди. Шапки с голов были сброшены словно ветром, и правая рука поднялась и осенила могучие груди истовым крестным знаменiem. Строганов отвечал проходившим тоже поясным поклоном.

Ермак поднял глаза вверх, и вдруг взгляд его упал на окно светлицы, у которого стояла Ксения Яковлевна. Он посмотрел на нее несколько мгновений и отвесил поясной поклон, его люди, не смотревшие наверх и не знавшие, кому именно кланяется он, последовали примеру своего атамана.

Ксения Яковлевна зарделась, как маков цвет, и ответила тоже поклоном.

Люди между тем шли по направлению к указанному месту их будущего поселка. Все они были, как мы уже сказали, молодец к молодцу, высокие, рослые, с открытыми, чисто русскими лицами, полными выражения отваги, презрения к смерти, но не зверства и злобы, что несомненно как тогда, так и теперь предполагалось в разбойниках, хотя, как мы уже имели случай заметить, с представлением о разбойнике соединялся менее страх, чем сожаление.

И действительно, в те отдаленные времена в разбой шли дурно направленные людьми и обстоятельствами порой лучшие русские силы, не выносившие государственного гнета в лице тех «супостатов», для которых не было «святых законов»: воевод, тиунов, приказных и подьячих... Они уходили на волю и мстили государству и обществу, не сумевшим направить их на истинно русские качества: отвагу, смелость и любовь к родине, на хорошее дело.

Красноречивый пример явила в этом случае шайка Ермака Тимофеевича, нашедшая все же применение своим добрым духовным силам, поступив на службу к Строгановым.

Дойдя до назначенного места, Ермак и его люди расположились лагерем и первый день своего новоселья провели по-праздничному. По приказу Строгановых им были выкачены бочки зелена вина, вдосталь было привезено мяса, пирогов и караваев свежего хлеба.

Пирование в лагере шло до поздней ночи.

Сами Строгановы, дядя и племянники, посетили своих гостей и выпили по задравной чарке. Побратались с ними за чаркою зелена вина и дворовые челядинцы Строгановых.

Ксения Яковлевна с санными девушками до позднего вечера не отходила от окна, искала и, казалось ей, находила среди пирующих высокую и статную фигуру атамана Ермака Тимофеевича.

Далеко за полночь догорали костры, затихли удалые песни, и лагерь новоприбывших заснул мертвым сном вместе с многими дворовыми челядинцами Строгановых.

Но на другой день ранним утром уже закипела работа по постройке прочных изб. В какой-нибудь месяц вырос новый поселок, множество изб составили правильную улицу, а изба любимого атамана, построенная просторнее других на околице, была украшена на коньке вертящимся деревянным петухом.

Вольные люди зажили жизнью оседлых поселенцев. Жизнь эта была совершенно иная, чем та, которую они вели до сих пор: тихая, спокойная, без разгула, но и без ежедневных опасностей. Как новинкой, поселенцы были ею на первых порах очень довольны.

Еще больше довольны были сами Строгановы, в их владениях наступила такая тишь, гладь и Божья благодать, что любо-дорого. Соседние бродячие племена быстро узнали, что у

Строганова появились силы во главе с Ермаком Тимофеевичем, имя которого было грозою и за Каменным поясом. Они притихли, даже, видимо, помышлять перестали о набегах и грабежах.

На руку это было Строгановым, не раз благодарили они Бога, что согласились принять Ермака с его людьми.

Но Ермак и его люди скоро перестали быть довольными. Не для их кипучей природы было мирное житье. Сам атаман обещал им боевую деятельность, насулил золотые горы, соболей, искупление грехов борьбой с неверною нечистью.

А где эта нечисть? Кругом хоть шаром покати, все гладко и спокойно. Люди стали выражать недовольство, да и сам Ермак стал призадумываться.

«Что же это? – думал он. – Не лежбечничать пришли сюда, а дело делать, говорили, что настороже надо ежеминутно быть от диких людей, ан кругом не только лихого, а так просто чужого человека видом не видать... Этак своих людей всех перепортишь, избалуются, ослабнут, не будут годиться для ратного дела».

Не раз высказывал он эти мысли Семену Иоаникиевичу. Тот не совсем понимал его, но видел, что, не ровен час, поднимется он со всеми людьми и уйдет куда ни на есть – люди вольные... Это пугало Строгановых, уже привыкших за Ермаком и его людьми сидеть как у Христа за пазухой. Лаской, подарками и Ермаку и людям его старались Строгановы удержать их при себе.

– Чем не житье вам? Кажись, привольно, – спрашивал Ермака с тревогой Семен Иоаникиевич.

– Что говорить, не житье, а Масленица...

– Так чего же вам?

– Нам-то?

– Да...

– А ты, Семен Аникич, приручал волков? – спросил вместо ответа Ермак Тимофеевич.

– Где их приручишь... Одного действительно людишки изловили махонького и в избе приютили, вырос маленько, только ноги у него отнялись, задние...

– Вот видишь, Семен Аникич, и мы того же боимся.

– Чего?

– А чтобы ноги у нас не отнялись в тепле да в холе сидючи... Волки мы были, волками и умрем. Лес нам нужен, воля, а не избы теплые. Не на покой шли мы к тебе, а на дело. Сам, чай, ведаешь...

– Ведать-то ведаю, да только где возьмешь дел-то?... Нечисть-то вся, об вас прознавши, притаилась. Жизни не подает...

– А ты, Семен Аникич, на медведя-то зимой охочивался?

– Не приводилось.

– Ну все же, чай, знаешь, что они зимой из лесу не выходят, да и по лесу не бродяжничают...

– Знаю, как не знать, в берлоге они зимой-то...

– Правильно, из берлог их и выгоняют охотники...

– К чему же ты речь ведешь?..

– А к тому, что и нам эту нечисть-то самую в ее берлоге искать надо, – ответил Ермак Тимофеевич.

– Может, и сами заглянут сюда... – в виде утешения сказал Семен Иоаникиевич.

– Долго дожидаться-то. И так, почитай, с год на месте сиднем сидим, индо одурь берет с покоя да с сытости...

– Погодь маленько, Ермак Тимофеевич, может, что и надумаем.

– Надумывай, Семен Иоаникиевич, да поскорей надумывай...

Старик Строганов подал эту надежду для того только, чтобы оттянуть время.

«Авось да еще обживутся, никуда им идти не захочется...» – мелькало в его голове.

Ермак вернулся в свою избу, где он жил вместе с Кольцом. Тот давно соскучился бездействовать и не раз заговаривал со своим атаманом. Но друг отмалчивался до поры до времени, и только уже начинавшее проявляться недовольство людей заставило его переговорить со стариком Строгановым. В себе он ощущал какую-то двойственность. С одной стороны, томился покойной жизнью и понимал это томление в Иване Кольце и в своих людях. При воспоминании о прежней разгульной жизни на Волге угрюмое лицо его прояснилось, он оживился, но только на короткое время. Он чувствовал, что не может возвратиться к прежней жизни, что здесь, в «строгановском царстве», его удерживает не сытая и покойная жизнь, не ласка, подарки и гостинцы добрых хозяев – ничего бы это не удержало его, а – какая-то другая сила.

Эта сила заключалась во взгляде девушки, стоявшей у окна в день прихода его в строгановские владения, взгляда, который ему показался яснее и теплее сиявшего на небе июльского солнышка. Стало ему с тех пор не по себе.

Узнал он, что эта девушка – племянница Семена Иоаникиевича и сестра Максима Яковлевича Строгановых, несколько раз встречался он с ней в строгановских хоромах и обменивался молчаливым поклоном. Заметил он, что девушка ему стала даже приветливо улыбаться и этой улыбкой приковала к себе еще сильнее сердце бобыля, не знавшего ни нежной ласки женской, ни настоящей любви. Понял он, что любовь – сила, и стал бороться с ней, как с силой вражеской.

Не отуманила эта любовь еще его ум – понимал он, какая пропасть разделяла его, атамана разбойников, за голову которого в Москве назначена награда, и дочь влиятельных купцов-богатеев Строгановых. Надо было вырвать с корнем это губительное для него чувство.

Да не вырвалось оно!

Начавшийся ропот и брожение среди людей сочтено было Ермаком началом его спасения. Он надеялся, что опасность предстоящего похода, о котором он говорил старику Строганову, излечит его от рокового увлечения.

IX Сны Ермака

Брожение и ропот среди людей действительно все увеличивались. Некоторые уже громко выражали желание вернуться на Волгу.

– Что же это такое? – говорили они. – Так закиснуть здесь недолго, обабиться, многие уж милуются с дворовыми бабами да девками. Плохое дело это, не казацкое... Да и атаман стал сам не свой, ходит, словно сыч какой. Самому, чай, в тяготу...

– Кабы в тяготу было, увел бы, не подневольный, – слышалось замечание.

– А мы подневольные, што ли?.. – раздавался раздраженный голос.

– Зачем подневольные? В кабалу из нас никто не продавался.

– То-то и оно-то...

– Только как атаман, – замечали более благоразумные.

– Что атаман! Нянька он нам, што ли? И без него дорогу найдем.

– Как же без атамана?

– Другого выберем...

– Другого? Сказал тоже... А кого? Не тебя ли?..

– Зачем меня?.. Не меня и не тебя. Другие найдутся...

– Где они, другие-то?.. Надо, чтобы атаман атаманом был, чтобы знали его в окружности, имени боялись. Таков наш Ермак Тимофеевич.

– Ивана Кольцо попытать...

– Сказал тоже, Иван Кольцо... Не пойдет он...

– Для чего?..

– Супротив Ермака николи не пойдет... И пытаться нечего...

– Так самому сказать... Ермаку...

– А как скажешь-то?..

– Круг собрать... А то ведь тошнехонько... Без дела лежать и от еды только брюхо пучить, совсем изведешься...

– Круг – это дело... Надо поговорить с товарищами...

Такие или подобные им шли разговоры среди новых поселщиков строгановских. Ермак Тимофеевич если не знал о них, то угадывал... Надо было дать дело людям, иначе брожение среди них могло принять большие размеры – люди действительно могли уйти, не выдержав скуки однообразной жизни, а это – что плотина: прорвется – не удержишь.

Такого мнения был и Иван Кольцо, не раз предостерегавший Ермака в этом смысле и даже побудивший его завести с Семеном Строгановым разговор о необходимости похода.

– Что ни на есть там будет, а люди, по крайности, ноги поразомнут, и то дело, – говорил Иван.

Поэтому он встретил вернувшегося из хором Ермака вопросом:

– Ну, что, как?..

– Пообождавать просил недельку-другую, – ответил Ермак Тимофеевич.

– Ох уж это мне жданье да жданье... Дождетесь до беды, с людьми не управитесь, как забušуют...

– Да много ли их бушевать-то будет?.. Большинство-то, кажись, довольно, краль завели себе, – горько усмехнулся Ермак.

– Не узнаю тебя, атаман, чему радуешься. Краль завели... Это-то и неладно, перепортятся вконец, к ратному делу годиться не будут... Только я наших людей знаю. Не из таковских... Смута выйдет, все пристанут к тем, кто из поселка тягу задаст на вольную волюшку, в степь

просторную, куда и крали денутся, бросят, не жалеючи. Для казака нет лучшей крали, как пицаль да меч булатный...

По лицу Ермака во время горячей речи его друга и помощника пробежали мрачные тени. Он как бы слышал в этих словах упрек самому себе. Ведь он был почти рад этой отсрочке похода, выговоренной Семеном Иоаникиевичем. А все из-за чего? А из-за того, чтобы лишний раз увидеть в окне верхнего этажа хором строгановских стройную фигуру девушки, почувствовать хоть издали на себе взгляд ее светлых очей да ходючи в хоромы, быть может, ненароком встретить ее на одно мгновение, поймать мимолетную улыбку уст девичьих.

Какой он казак? Какой он атаман разбойников? Баба он слабовольная!

Нет, надо покончить с этим... Не Ермаку Тимофеевичу поддаваться женским прелестям. Не радости семейной жизни на роду его написаны... Нарушишь главный завет отца – погибнешь ни за синь порох. Эти-то бродившие в его голове мысли и нагоняли тучи на его лице.

– Потороплю старика. Будь по-твоему, – сказал он Ивану Кольцу.

В голосе его послышалась невольная дрожь. Есаул удивленно посмотрел на него и тут только заметил особенно странное выражение его лица.

– Что это с тобою, Тимофеевич? В жисть не видел тебя такого-то...

– А что? – встрепнулся Ермак.

– Как что? Да ты туча тучей... Что с тобою приключилось?

– Ничего, так! Что-то не по себе, недужится... Засну вот, может, сном пройдет.

– Засни, засни, а я пойду с ребятами погудю, может, и разговорю.

– Чего разговаривать их? Скажи, что скоро в поход двинемся, – раздражительно заметил Ермак Тимофеевич, укладываясь на лавку, подложив себе под голову скинутый им с себя кафтан.

Иван Кольцо взял шапку и пошел из избы, но на пороге оглянулся на уже лежавшего Ермака и сомнительно покачал головой.

– Приворожила, – проворчал он себе под нос. – Вот она, баба-то, сила! Ермака осилила.

Он окончил эту фразу за дверью избы и пошел, насвистывая, по селу.

Ермак Тимофеевич между тем не спал. Ему спать не хотелось. Он нарочно сказал, что заснет, чтобы некоторое время полежать с закрытыми глазами, сосредоточиться.

Уход есаула и друга был очень кстати. Ермаку не надо было притворяться спящим. Он был и так наедине с самим собою.

Ермак открыл глаза и сосредоточенно устремил их в одну точку. Перед ним проносятся его прошлое. Кровавые картины разбоя и убийств так и мечутся в голове. Инда оторопь берет. Кругом все трупы, трупы. Волжская вода вокруг встреченных его шайкой стругов окрасилась алою кровью, стон и предсмертное хрипение раненых раздаётся в его ушах. Стычки со стрельцами и опять... смерть. Кругом лежат мертвые его товарищи, а он один невредимым выходит из этих стычек – разве где маленько поцарапают.

А для чего? Для чего хранила его судьба? Не для того же, чтобы стать захребетником Строгановых и скоротать свой век в этой высокой просторной избе, издали изнывая по красавице-девушке, впервые заронившей в сердце искру любви, которая день ото дня, чувствует он, разгорается ярким пламенем, сжигает его всего, места он не находит нигде.

Дождется он, что поведут ее с другим под честный венец, бают среди челядинцев строгановских, что жених есть на Москве у молодой хозяйшкы, боярин статный, богатый, у царя в милости. Куда уж ему, Ермаку, душегубу, разбойнику, идти супротив боярина, может ли что, кроме страха, питать к нему девушка? Нет, не честный венец с ней ему готовится, а два столба с перекадиной да петля пеньковая. Вздернут его, сердечного, на просторе он и заболтается.

Да и лучше! Легче казнь вынести, нежели на глазах своих видеть ее с другим, хотя бы и с боярином.

– Венец... – повторил чуть слышно Ермак Тимофеевич, и на его губах вспыхнула горькая улыбка. Сон ему вспоминается, что видел он как раз в ту ночь, как порешили идти в «строгановское царство». Видит он страну неведомую, невиданную, странную, снег как будто, а деревья зеленые. Таких деревьев он отродясь не видывал. Толпы людей низкорослых, лохматых, в шкурах звериных, глядят на него с товарищами, осыпают тучами стрел, он приказывает палить из пищалей и идет вперед, а кругом него все трупы валяются. Вдруг все исчезло, а затем он и себя самого увидел, а у него на голове венец княжеский...

С тем он и проснулся. И к чему сон такой ему привиделся? И странно то, что отчасти он исполнился.

Когда наступила зима, поля и горы покрылись снегом, он уже здесь, в запермском крае, увидел то место, которое видел во сне: снег, а деревья зеленые.

Что бы это означало?

Люди бают, что там, за Каменным поясом, все так: зимой при снеге кругом стоят зеленые деревья, а нечисть эта поганая, низкорослая в звериных шкурах ходит. Нет, надо идти в их берлогу! Когда их сюда дожидаться проклятых? Так мысленно решил Ермак Тимофеевич.

Утомленный тяжелыми воспоминаниями о прошлом, он незаметно для себя заснул, и ему привиделся снова тот же самый сон. Точно ужаленный вскочил Ермак Тимофеевич и сел на лавку, протирая глаза.

– Что бы это значило?

В это время дверь отворилась и в избу вошел Иван Кольцо.

– Что, брат Тимофеевич, выпался?

– Всхрипнул маленько, был тот грех, – отвечал Ермак.

– А я по поселку побродил, погуторил с молодцами, и ведь, пожалуй, ты намерен правду баял...

– Про что?

– А про то, что обсиделись наши удалыцы, как куры на насесте, не сгонишь.

– Ой ли!

– Право слово... Есть из них, индо дрожат, как про поход слышат, а зато много и таких, что другие речи ведут...

– Какие же такие речи?

– А такие, что от добра, дескать, добра не ищут... Живем как у Христа за пазухой, умирать не надо...

– Вот оно что...

– Дела не хвали...

– Ничего... – поднялся во весь рост Ермак Тимофеевич, – как кликну клич, не то заговорят, все пойдут до единого...

– Дай-то бог, только надо это скорее, а то и другие вконец излобчатся.

– Ничего... Не боюсь, повернутся... Сам же говорил, что со мной в чертово пекло пойдут, а не токмо на нечисть поганую.

– Да, но то говорил я на Волге, – со вздохом сказал Иван Кольцо, – ребята были не балованные.

Ему самому было страшно тяжело бездействие, но из любви и дружбы к Ермаку, в сердечную тайну которого он проник чутьем друга, он не говорил ему этого, хотя мысленно обвинял себя в слабости, так как ему для спасения друга надо было действовать решительно.

– На днях пойдем походом, так хоть поблизости... – вдруг заявил Ермак Тимофеевич. – Созывай завтра круг к вечеру.

И действительно, Ермак на другой день утром вынудил у Семена Иоаникиевича согласие снарядить их в поход в ближайшие станицы кочевников. Казаки, как и предсказывал атаман, составили круг, решили идти в поход и пошли все до единого.

Дойдя до ближайшей станицы враждебных чувашей, они многих из них перебили, еще более разогнали, захватили много драгоценной пушнины, самопалов, стрел и вернулись в поселок с знатной, а особенно на первый раз, добычей. Часть мехов Ермак Тимофеевич, по приговору круга, подарил Строгановым, которые отарили их угощением. Целый день пировали казаки. Поразмяты были у них и ноги, и богатырские плечи.

X Найденыш

Возвратившаяся из горницы Семена Иоаникиевича в светлицу Антиповна не застала уже Ксению Яковлевну в рукодельной. Она находилась снова во второй горнице у окна вместе со своей любимой сенной девушкой, чернобровой и чернокудрой Домашей.

Антиповна вошла в горницу, постояла у двери, поглядела на обеих и, повернувшись, пошла из комнаты, ворча себе под нос:

– Авось разговорит ее Домаша, девка шустрая.

Домаша была действительно веселая, разбитная девушка, умевшая угодить Ксении Яковлевне, войти всецело в ее доверие, утешить в горе и развеселить в грусти.

Тоненькая, но не худая, а, напротив, красиво сложенная – тонкость ее фигуры происходила от тонких костей, – с мелкими чертами оживленного личика матовой белизны и ярким румянцем, живыми, бегающими черными, как уголь, глазами, она как-то странно отличалась от остальных сенных девушек, красивых, белых, кряжистых, краснощеких, настоящего русского типа женской красоты. Цвет волос Домаше был иссиня-черный, то, что называется цветом воронова крыла. Происхождение Домаше, видимо, было нерусское, но кто были ее мать и отец – неизвестно.

Пятнадцать лет тому назад, после одного из набегов кочевников, дерзость которых дошла до того, что они явились под стены строгановской усадьбы и с трудом были отбиты, Семен Иоаникиевич нашел в одном из сугробов около острога полузамерзшую смуглую девочку, по внешнему виду лет двух или трех, завернутую в шкуру дикой козы и, видимо, кем-то впопыхах брошенную. Это было пятого января. Сердобольный Семен Иоаникиевич, конечно, принес в дом свою живую находку и сдал девочку Антиповне, которая отогрела ее, обмыла и одела в белье и платьице своей питомицы Ксюшеньки, из которого она уже выросла.

Девочка освоилась, стала лепетать по-своему, на каком-то странном языке, непонятном для окружающих. На совете братьев Строгановых решено было девочку окрестить. Крестным отцом стал Семен Иоаникиевич, а крестной матерью – Антиповна. Назвали девочку Домной, по имени святой, память которой празднуется пятого января, в тот день, когда она была найдена. По крестному отцу она звалась Семеновной.

Девочка росла, быстро научилась говорить по-русски и была допускаема для игр к маленькой Ксюше, которая была годом старше найденыша, но не в пример ее крупнее. Тоненькая, худенькая фигура девочки, похожей на большую куклу, видимо, была первым благоприятным впечатлением, которое она произвела на маленькую Строганову. Ксюша чувствовала над Домашей свое превосходство, и это прежде всего вызывало в ребенке симпатию к своей слабой и маленькой подруге; симпатия разрослась с годами в привязанность.

Девочки росли под зорким взглядом Антиповны, делили игры и забавы, делили и свое детское горе. С годами Ксюша сделалась молодой хозяйкой Ксенией Яковлевной, а Домаша – ее любимой сенной девушкой, с некоторым отличием среди других, приставленных к Ксении Яковлевне.

Впрочем, в те отдаленные времена даже в боярских и княжеских домах на Москве не было особого различия между боярскими и княжескими дочерьми и их сенными девушками ни по образованию, ни по образу жизни. Разве что первые богаче одевались и спали на пуховых перинах, заменявшихся у сенных девушек перьевыми.

Еще меньше была разница между купеческой дочерью Строгановой и ее сенными девушками, а в особенности – поставленной в исключительное положение в доме Домашей.

Ксения и Домаша как были, так и оставались подругами. Обе были любимицами Антиповны, хотя, конечно, старая няня смотрела на найденыша Домашу как на первую из под-

властных молодой хозяйшки и ценила ее постольку-поскольку она умеет угождать ее «сизой голубке» Ксенюшке, развлечь ее, развеселить.

На последнее Домаша была мастерица. Среди сенных девушек она слыла запевалой и действительно обладала прекрасным, чистым голосом, шутки так и сыпались из ее вечно улыбающихся уст, на смешные прибаутки ее было взять стать, словно она была девушка, которая, по русской пословице, за словом в карман не лезла. Остальные сенные девушки боялись ее острого и подчас злого языка.

Добрая по натуре, она, однако, не пользовалась своим превосходством дальше безобидных шуток над подругами. За это все любили ее. Души в ней не чаяла Ксения Яковлевна, не скрывала от нее своих тайн девичьих.

Антиповна была довольна, увидев, что Ксения Яковлевна призвала к себе Домашу поговорить. «Пусть их покалякают», – думала старуха, входя в рукодельную и занимая свой наблюдательный пост на лавке у окна.

Болтавшие было за работой сенные девушки примолкли. Речи их, видно, были такие, что не по нраву могли прийти строгой Лукерье Антиповне. В рукодельной наступила тишина. Слышен был лишь шелест шелка, пропускаемого сквозь ткань.

В соседней с рукодельной горнице тоже было тихо. Стоявшие у окна Ксения Яковлевна и Домаша говорили пониженным шепотом.

– Здесь он, Домашенька, здесь, – говорила Ксения Яковлевна.

– Ермак?

– Тсс... Да... Поглядела бы на него хоть глазком.

– Не проберешься. Крестная в рукодельной. Как пройти?..

– Да, да... И братцы к себе не зовут, – грустно прошептала Ксения Яковлевна.

– Может, и сами с ним на беседе... Слышно, опять стали пошаливать кочевники...

– Ну?

– Да! Слышать...

– А ты почему знаешь, Домаша?

– Яков говорил, – покраснела девушка, стараясь особенно резко и грубо произнести это имя.

– Счастливая! – промолвила со вздохом Ксения Яковлевна.

– Чем это?

– Ты можешь с ним видаться, поговорить, душу отвести...

– Вот тоже невидаль! Сам сторожит меня всюду, а мне мало горяшка...

– Но ведь ты любишь его?..

– Ничего, парень ласковый.

– А щемит у тебя сердце, инда больненько?..

– Николи не щемит... Чтобы из-за их-то брата да сердце щемило девичье, рылом не вышли, пускай у них щемит...

– Не любишь ты, значит, Домашенька...

– Уж я не знаю, как и сказать тебе, Ксения Яковлевна. Пригож он, слов нету, весел нравом, ульстить норовит словом да подарком. Дня два-три не повидаете его – соскучишься. Но чтобы томиться из-за него? Шалишь, себе дороже... Пусть сам томится... Вот как, по-моему...

– Замуж-то хочет брат? – спросила Ксения Яковлевна.

– Болтает... Поклонюсь-де Семену Иоаникиевичу.

– За чем же дело стало?

– Все собирается, – усмехнулась Домаша, но в этой усмешке было и немного горечи.

– А мне и думать нечего, – глубоко вздохнула Ксения Яковлевна.

– О чем это?

– Замуж идти...

- За Ермака-то?
- За кого же больше?
- Окстись, Ксения Яковлевна, за разбойника!..
- Какой же он разбойник? Вот и дядя говорит, что быть ему по уму бы воеводою...
- Души-то ведь губил все же... – вздохнула Домаша.
- Что же, что губил... Чай с голоду... Живет здесь тихо, мирно, душ не губит, разве вот

мою только...

- Что ты, что ты! – испуганно перебила девушка. – Ты душу-то свою соблюди...

– Как тут соблюдешь, коли мил он мне больше души. Только и мысль, что о нем об одном от зорюшки до зорюшки... Гляжу вот на избу его, только тем и утешаюсь.

И Ксения Яковлевна жестом руки указала Домаше высокую избу на новой стройке с петухом на коньке. Девушка поглядела на свою хозяйку-подругу и сама испугалась замеченного ею выражения боли.

- Что же ты, Ксения Яковлевна, убиваешься? Может, все и обладится...

- Где обладится! – с отчаянием в голосе сказала Строганова.

Обе девушки замолчали.

- А он-то что? – после довольно продолжительной паузы спросила Домаша.

- Что он, я не ведаю, – ответила Ксения Яковлевна.

- Николи с ним не гуторила?

- Николи...

- А видалась?

- Встречалась ненароком, кланялась...

- Как он кланялся-то?

- Приветливо да ласково.

- Ну знать, зазнобила ты и ему сердце...

- А ты почему знаешь?

– Да как же иначе-то! Красавица ты у нас писаная, другой не найдешь, вишь, и на Москве, бают... А ихний брат, мужчина, до красоты девичьей как падок... Не чета Ермаку, из Москвы боярин приезжал, и то ошалел, тебя увидавши. Видела я надясь, что с ним, сердечным, поделалось, как исцеловала ты его при встрече...

- Не вспоминай мне о нем, Домаша.

- С чего так?.. Парень тоже красивый.

- Нашла красивого. Вот Ермак...

Ксения Яковлевна не закончила, сама испугалась довольно громко произнесенного имени.

– Что же Ермак-то? Чернявый, только глаза одни и горят полымем, не глаза бы, как есть мой Яшка, – заметила Домаша.

- Твой Яшка тоже парень красивый...

– Куда ему! Бросовый он парень, вот что... – с напускным равнодушием сказала Домаша. – Когда это он так полюбился тебе? – спросила она Ксению Яковлевну.

– Да, кажись, с того времени, как – помнишь? – пришли они сюда, как еще у окна мы стояли, он взглянул да и поклонился.

- Помню, помню... Только я не заметила ничего, потом и ты мне не говорила.

– Я и сама не знала до недавнего времени. Мерещился он мне как будто и наяву, и во сне... Потом несколько раз я с ним повстречалась... Еще пуще стало, а вот тут уже недели с две щемит мое сердце, от окна не могу отойти, все гляжу: не увижу ли его?.. Просто вся измаялась...

– Надо прознать, что он-то... Узнаешь, коли любит он, – легче будет, а нет – наплевать на него надо...

- Легко вымолвить... – задумчиво сказала Ксения Яковлевна. – А как прознать-то?..
 - Ты только согласишься, а я проведу.
 - Проведаешь! – почти радостно воскликнула Ксения Яковлевна. – Как же?
 - А стороной, через Яшку... Он с ним дружит, балалайкой его подчас тешит тоже...
 - Соромно, девушка.
 - Что за соромно! Стороной проведу, с опаскою. Так я закажу Яшке, как бы от себя... Он и оборудует, парень аховый... – Ксения Яковлевна молчала. – Что же, проведывать?
 - Проведай... – чуть слышно ответила Ксения Яковлевна.
 - Сегодня же я это оборудую. А ты, Ксения Яковлевна, брось куксить до поры до времени...
- Строганова через силу улыбнулась.

XI

Ермак – знахарь

Ермак Тимофеевич между тем, пройдя в горницу Семена Иоаникиевича, застал его за писанием грамоты. Тот, не отрываясь от работы, повернул голову в сторону вошедшего и ласково произнес:

– Милости просим, гость дорогой, садись... Сейчас я управлюсь, поговорим с тобой.

Ермак сел на лавку. Семен Иоаникиевич стал продолжать, видимо с трудом, выводить буквы. Наконец он кончил и облегченно вздохнул, точно с плеч свалилась долго бывшая на них тяжесть.

– Посетил нас Господь Бог бедою... – невесело промолвил Семен Иоаникиевич.

– Бедою? – вопросительно-тревожно повторил Ермак Тимофеевич.

– Да, молодой, бедою... Племянница у меня есть, девка на возрасте. Может, видал ее?

– Видал, видал, – торопливо, дрогнувшим голосом произнес Ермак. – Что с ней, с Ксенией Яковлевной, приключилось?

– Да и сам я хорошо, молодец, этого не ведаю... Недужится девке, да и на тебе!

– Недужится? – снова повторил Ермак Тимофеевич.

– Да... Вот уже недели с две как бьется с ней нянька ее, Антиповна, старуха умная, преданная, всем, чем ни на есть пользуется... Не действует. Краска с лица, почитай, сошла, с тела спала, тает девка на глазах и на поди...

– С чего бы это? – участливо спросил Ермак.

Его побледневшее лицо выдавало волнение, которое он старался всеми силами скрыть. И он достиг этого.

– И сами ума не приложим... Антиповна, кажись, до правды додумалась. Замуж пора ей...

– Вот оно что...

– Тут-то и закавыка, – продолжал Строганов. – В глуши живем, какие тут женихи... Вот и отписываю в Москву...

Старик жестом руки указал на написанную им грамотку.

– В Москву?

– Да, к боярину Обноскову...

И Семен Иоаникиевич вдался в подробности. Он рассказал Ермаку Тимофеевичу уже известное читателям: о приезде Степана Обноскова с царской грамотой, о впечатлении, произведенном на него Ксенией Яковлевной, о дозволенном сватовстве и пересылке грамотками.

Он не заметил, что каждое слово его точно ножом ударяет по сердцу его слушателя. Да и мог ли он представить себе это?

Ермак Тимофеевич сидел ни жив ни мертв, хотя всеми силами старался казаться равнодушным.

– Да до Москвы-то не близкий свет. Гонца сегодня пошлю, а когда он доедет и благополучно ли, когда ответ привезет, когда сам нареченный жених пожалует, много воды утечет, а девка не по дням, а по часам тает... Вот она беда-то какая. Посетил Господь... – закончил свой рассказ Семен Иоаникиевич.

Ермак Тимофеевич молчал.

– А ты ко мне, добрый молодец, с радостью или тоже с бедой? – спросил его Семен Иоаникиевич.

– Моя беда, Семен Аникич, полбеда, – отвечал Ермак. – Речь моя о ней и подождать может, а вот надо раскинуть умом, как помочь девушке-то...

– Как тут поможешь? Антиповна баёт, что не к смерти, не умрет до замужества... Травкой ее хотели попоить, кровь, баёт, жидит она, от густой крови, вишь, девка туманится... Антиповне и книги в руки, старуха дотошная.

– А знаешь, купец, пословицу: ум хорошо, а два лучше?..

– Это точно... Да к чему это?

– А к тому, что я, может, в этой беде помочь тебе могу.

– Ты?

– Да, я. Не гляди, что молод я, Семен Аникич. Много на своем коротком веку я видывал, иному старцу это не привидится, с тем и умрет, не увидит.

– Поверю, добрый молодец, жисть такая...

– Да и доходить до всего сызмальства любил я... Чуть что, сейчас же доведаюсь. Стояли мы долго станом на Волге близ Астрахани. Вдали от берега укрылись, в лесу дремучем... Прознал я от тамошних жителей, что в том лесу колдунья живет в избушке одинокой, в овраге... Потянуло меня к ней... Пошел... Старуха как есть страшилище. Приняла меня неласково, ну да я зыкнул на нее и нож ей показал. Против булатного-то не оказалось у ней наговору, ну да и к черту в пекло идти в старости охоты у ней не было... Подружились мы со старухой-то, стал я к ней кажинный день шастать, деньгами оделять, кое-каким припасом. Старуха мягче воску стала, полюбила меня, сынком стала называть, чертова дочь в чертовы внуки меня, значит, пожаловала... Ничто, думаю, только бы своего добиться и обо всех ее зельях да наговорах узнать. А трав этих у нее чертова пропасть была для просушки в хате повешана. Котелок на очаге был особенный, на треногом тагане. Кот черный, глаза горят, как уголья, да ворон без ноги, старый-престарый... Хрипло так, бывало, каркает. Стала старуха меня учить травы различать, снадобья делать, какие в пользу, какие во вред человеку идут. Учила, учила да и обмолвилась, что-де ее знахарство перейдет ко мне только после ее смерти. Я на ус себе намотал это и продолжал к ней шастать да выпрашивать. Все выпросил, больше, говорит, тебя учить, добрый молодец, нечему. Я и отблагодарил, отправил ее к отцу – дьяволу...

– Убил? – чуть слышно спросил Семен Иоаникиевич, бросив на Ермака взгляд, полный страха, смешанный с удивлением.

– Прирезал... Давно это было, молод я был еще, – как бы в свое оправдание добавил Ермак.

– Да, да... – растерянно пробормотал Строганов.

– Ну и натерпелся я потом страху, всю жизнь ничего такого не видывал...

– Страху?

– Да... Прирезал я старуху-то и ушел... Правду молвила покойница: все зелья, снадобья, наговоры и отговоры так и стали мне в уме представляться, точно старуха мне их в уши шепчет... Пришел я к своим. Тут дельце случилось: обоз шел, пощипать его малость пришлось. Возчики ретивые оказались, управиться с ними труда стоило... Потом добычу делить стали, пированье устроили... Прошло два дня, не был я в избушке у колдуньи, да и не к чему было. Не на беседу же с мертвой идти?.. Только вдруг меня туда потянуло. Точно мне в уши кто нашептывает: «Иди да иди». Пошел. Подхожу к избушке, смотрю – дверь плотно притворена, а как теперь помню, ушел я, оставив ее настежь. Ну, думаю, кто-нибудь к старухе заходил из окрестных жителей, поворожить, увидел, что она мертвая, убежал да и дверь захлопнул... Пошел я на крыльцо, отворил дверь, кот мне под ноги шасть, и никогда я, на своем веку страху не испытывший, тогда, сознаюсь, дрогнул, под ноги себе посмотрел, хотел ногой кота ударить в сердцах, что он меня испугал, только он, проклятый, у меня между ног проскочил и был таков, а в это время над головой у меня что-то вдруг зашуршало! Это ворон старый быстро так вылетел. Поднял я голову, глянул да и обмер: передо мною зарезанная колдунья стоит, ухмыляется, голова у ней набок на недорезанной шее держится, она ею покачивает... Тут уж меня совсем оторопь взяла. Я назад, да бегом, а за мной, слышу, старуха хохочет, кот мяукает,

ворон каркает... Только вскорости я опомнился. Злость меня взяла, что утратился я невесть чего. Из оврага-то я выбежал, на краю стал и обернулся. Смотрю и диву даюсь, избушка стоит с закрытой дверью, а из углов ее дым идет. Что, думаю, за притча такая? Сел на краю оврага, гляжу, вот вместо дыма языки огненные показались, полымем охватило избушку, как свеча, она загорелась и дотла сгорела, и дым такой черный пошел от пожарища. И почудилось ли мне, али так и было, что в дыму этом и старуха, и ворон, и кот улетели... Все это на глазах моих приключилось. Часа два прошло с тех пор, как я входил в избушку и кот мне под ноги шастал. Спустился я снова в овраг, пошел к месту пожарища. Гляжу – остались одни уголья, ни тебе остова старухи, ни кота, ни ворона как не бывало, может, кот и ворон к хозяйке своей и не вернулись, один сбежал, другой улетел, только старухе-то, кажись, не убежать бы... Пошел я прочь к своим, а все речи старухи о травах и зельях, наговоры ее и отговоры в ушах у меня так и слышатся... И дал я было себе зарок никогда ими не пользоваться, только зарок этого сдержать мне не пришлось. Случалось, товарищ занеможет или кровь из раны его ручьем хлещет, давал я ему травы и кровь заговаривал, и всегда было удачно.

Ермак смолк.

Семен Иоаникиевич тоже некоторое время молчал, видимо, под впечатлением рассказа.

– Чудное дело творится на белом свете! – наконец произнес он.

– Так вот я и хотел попытать насчет девушки, – с едва заметной дрожью в голосе сказал Ермак Тимофеевич.

– Что же, попытать можно. Только это надо сделать обдумавши.

– Я что ж? Мое дело предложить, а неволить к тому не могу, – сдержанно заметил Ермак. – А моя беда вот какова, – переменял он круто разговор. – Слышно, на Сылке и Чусовой появились кочевники.

– Не слышал...

– Прибежал оттуда сегодня утречком парень один, бает, мурза Бегулий с вогуличами да остяками подошел туда и хозяйничает.

– Мурза Бегулий, – раздумчиво повторил Семен Иоаникиевич, – есть такой, это мне ведомо.

– Вот он самый...

– И много нечисти-то с ним...

– Говорит парень, что много, до тысячи... Може, и привирает, у страха тоже глаза велики...

– Одначе все же полтыщи будет наверное...

– Може, и больше...

– Так как же быть-то?

– Вот я и пришел сказатьс я твоей милости... Надо людей отрядить, угомонить мурзу-то этого. Мои молодцы мигом его успокоют...

– Сам поведешь?

– Нет, думаю, с Кольцом отправить...

– Всех уведешь? – с тревогою спросил Семен Иоаникиевич.

– Зачем всех? И половины довольно... Уважат поганого.

– Что ж, отпускай, благословясь, – сказал после некоторого раздумья Строганов.

– Я племянникам скажу... Может, кто из них потехой ратной скуку разогнать захочет?

– Нет, об этом и говорить не надо. Оба полезут, молодцы, кровь в них играет, а не ровен час, шальная стрела и насмерть уложит али искалечит. Это если бы сюда погань пришла, другое дело, – торопливо, с тревогой заговорил Семен Иоаникиевич.

– Ладно, так и не надо на мысль наводить... – согласился Ермак Тимофеевич.

– Не надобно, не надобно... – замахал руками Строганов. – А что насчет Аксюши, так говорю, подумавши, надо решиться... Повременим, посмотрим, может, и полегчает ей, а этим

временем и грамота к жениху придет, и что ни на есть он отпишет или сам пожелует... Сегодня же гонца посылаю... Не надумал вот, кого бы послать. Ну да у меня челядинцы все – люди верные, доставят. Теперь, кажись, дороги-то стали безопасливее...

– На Волге, бают, тихо, а все же, не ровен час, может и наткнуться на лихого человека, – загадочно заметил Ермак Тимофеевич.

– Авось бог пронесет, в добрый час будь сказано, – не заметил загадочного тона Ермака Строганов.

– Прощения просим, – встал Ермак. – Так я отправлю молодцов-то с Кольцом.

– Отправляй с Богом... – встал и Семен Иоаникиевич.

Ермак Тимофеевич поклонился и вышел. Быстрыми шагами направился он в свою избу, отдал наскоро дожидавшемуся его там Ивану Кольцу распоряжение о предстоящем походе и, опоясав себя поясом с висевшим на нем большим ножом в кожаных ножнах, простился со своим другом-есаулом.

– Ты это куда же? – спросил Иван.

– Дело есть... – нехотя ответил Ермак и быстро вышел.

Иван Кольцо посмотрел ему вслед недоумевающим взглядом.

«Задумал атаман, кажись, что-то неладное, – пронеслось у него в уме – а все баба...»

Он тряхнул кудрями, вышел из избы, чтобы собрать круг и объявить о походе.

ХII Гонец

Быстро шел Ермак по дороге, ведущей от хором Строгановых в Пермь.

Версты за полторы от старого поселка вправо от дороги на лугу пасся табун лошадей, принадлежавших новым поселенцам. Ермак направился к этому тауну. Привычной рукой схватил он за гриву первую попавшуюся лошадь, а через мгновение уже сидел на ней верхом и мчался по направлению к густому, синевшему вдаль лесу слева от дороги.

В воздухе было тихо, но быстрая езда охлаждала воспаленное лицо Ермака Тимофеевича. Глаза его горели каким-то диким блеском – он был положительно страшен. Это не был тот Ермак, который беседовал часа два тому назад с Семеном Иоаникиевичем Строгановым, а затем со своим есаулом.

Это был Ермак, предоставленный самому себе, которому не перед кем было скрываться, не перед кем носить личину – Ермак простора, расстилавшейся вокруг него степи.

«Не бывать тому, чтобы грамотка дошла до Москвы, чтобы приехал боярин вырвать из-под глаз мою краплю, свет очей моих... Если не отдаст гонец ее волею, отправлю его туда, откуда до Москвы не в пример дальше, чем отсюда», – неслось в голове скакавшего во весь дух Ермака Тимофеевича.

«Не моя, так пусть ничья будет! – решил он, отуманенный страстью. – Легче мне ударить ее в сердце ножом, видеть предсмертные корчи ее, чем отдать другому, не только боярину, но и самому царю... Убью ее и себя отправлю к черту в пасть, туда мне и дорога».

Лес приближался. Вот он начался, дорога стала спускаться в глубокий овраг. Ермак остановил коня на самом спуске, слез с него и отпустил на волю. Умное животное поскакало назад к тауну.

Ермак пеший стал спускаться в овраг по опушке леса. Он зорко смотрел в чащу и наконец на самом дне оврага выбрал густой кустарник и юркнул в него. Здесь он лег на шелковую траву. Незамечаемый со стороны дороги, он видел ее как на ладони.

По этой дороге должен был проехать гонец Семена Иоаникиевича с грамотою к боярину Обноскову в Москву. Оставим Ермака Тимофеевича выжидать гонца и вернемся в горницу Семена Иоаникиевича. Проводив атамана, Строганов снова перечитал грамотку, свернул ее в трубку, запечатал восковой печатью и, положив на стол, задумался: «Кого же гонцом?» В Москву надо послать человека оборотистого, с умом, там, чай, челядь-то боярская себе на уме. До сих пор грамотками обменивался он с боярином через приказных торговых людей, а теперь как ждать оказии, коли беда такая стряслась над девкой. Спешить надо!

Семен Иоаникиевич стал перебирать в уме дворовых челядинцев. Ни один не показался ему подходящим.

«Яшка! – остановился он на известном уже читателю виртуозе на балалайке, красивом, дотошном парне. – Он это дело лучше оборудует, – стал размышлять Строганов. – Парень и из себя видный, да и языка ему не занимать стать. Забавляет он, развлекает Аксюшу и ее сенных девушек, да вот Антиповна бает, что надоел он ей, не хочет его слушать... Приедет, в новинку будет...»

И у Семена Иоаникиевича созрело решение послать гонцом в Москву Яшку. Он захлопал в ладоши. В горницу вошел Касьян.

– Кликни-ка мне Яшку, – приказал Семен Иоаникиевич.

Через несколько минут в горницу вошел Яшка. Это был высокий, стройный парень со смуглым лицом и черными кудрями, шапкой сидевшими на голове и спускавшимися на высокий лоб. Блестящие черные маленькие глаза светились и искрились непритворным весельем, казалось, переполнявшим все существо Яшки. Он был одет в серый кафтан самодельного

сукна, подпоясанный красным с желтыми полосами кушаком, шаровары были вправлены в сапоги желтой кожи. В руках он держал черную смушковую шапку.

– Звать изволила твоя милость? – перекрестившись на образа и отвесив поясной поклон Семену Иоаникиевичу, развязно спросил Яшка.

– Звал, Яков, звал. Службу надо будет сослужить мне, большую службу...

– Твой слуга, Семен Аникич. Только скажи, а за службой дело не станет...

– Надо тебе в Москву съездить...

– В Москву... – побледнел Яшка.

Перспектива долгой разлуки с Домашей, которую он искренне любил, вдруг до боли сжала ему сердце, но это было на одно мгновение. Далекая Москва, город палат царских и боярских хором, о которых он столько слышал рассказов, предстал его молодому воображению и распалил любопытство.

«Коли любит, не забудет, – пронеслось в его голове, – а ей московского гостинца привезу, чай, там ленты да бусы не пермским чета...»

На этом решении он успокоился. Краска снова появилась на его лице.

– В Москву так в Москву, куда пошлет твоя милость, хотя за Москву... – с прежнею неизменною улыбкою отвечал он.

– Отвезешь вот боярину Обноскову от меня грамотку и ответ привезешь на нее...

Семен Иоаникиевич передал ему свиток. Яша бережно взял его и положил за пазуху.

– Ты зашей ее в загрудник, – заметил Строганов.

– Ладно, в целости будет, не сумлевайся.

– А вот тебе и казна на дорогу...

Семен Иоаникиевич встал, подошел к одному из шкафов, отпер его одним из ключей в большой связке, висевшей у него на поясе, вынул оттуда довольно объемистый мешок с деньгами и подал его Яшке.

– Хватит тут и в Москву, и обратно, и на гулянку по Москве останется, – заметил Строганов.

– Благодарствуем твоей милости, – ответил Яшка, принимая мешок.

– Сегодня же и выезжай...

– С час, может, промешкаю...

– Ладно... Ступай себе. Счастливого пути...

– Прощенья просим, Семен Иоаникиевич, – поклонился Яшка.

– С Богом! – напутствовал его Строганов.

Яшка вышел из горницы и направился к себе. Он жил вместе с другими холостяками-челядинцами в одной из надворных избушек.

Весть о посылке Яшки в Москву с грамоткой с быстротой молнии облетела всю усадьбу Строгановых. Многие из челядинцев завидовали выпавшему ему жребию – поразмыкать домашнюю скуку по чисту полю и чужим городам, увидеть Москву далекую, а, может, и самого царя Грозного, что Москву под своими очами держит... Другие сожалели о нем: как бы не пропал он в далеком пути. Мало ли лиходеев может встретиться?

Словом, толков было не обобратся. Весть проникла и в рукодельную к сенным девушкам. Услышав ее, Домаша побледнела. Хоть она, в силу своего строптивного характера, относилась к полюбившемуся ей парню с кондачка, но все же разлука с ним больно защемила девичье сердце.

«Надо во что бы то ни стало повидаться с ним, – пронеслось в ее уме, – и пусть прежде всего поклянется мне в любви да исполнит мой приказ относительно Ермака, а там пусть едет с Богом, авось такой же воротится».

Домаша посмотрела на свою хозяйку-подругу, сидевшую за пяльцами. Та низко склонилась над ними и сидела не шелохнувшись. Ксения Яковлевна поняла, что посыл Яшки гонцом в

Москву – дело Антиповны: грамотка адресована боярину Обноскову с приглашением прибыть сюда, чтобы вести ее под венец. Это старуха-нянька наговорила дяде Семену невесть что, он и отписал жениху. Не пойдет она ни за что под венец, лучше сбежит куда глаза глядят или в монастырь затворится. Коли не бывать ей за Ермаком – так никто ей и не надобен.

Эти мысли быстрее ласточки пролетали в голове девушки и болью отзывались в ее сердце. Она быстро отодвинула пяльцы и вышла из рукодельной. Антиповна, сидевшая на своем наблюдательном посту, пристально посмотрела ей вслед.

«Ничего, пройдет это, – подумала она. – Весть-то уж больно для нее неожиданная-негаданная».

Вслед за Ксенией Яковлевной вскочила из-за пяльцев и Домаша и прошла за молодой хозяйкой. Она застала ее сидящей на лавке и в слезах. Домаша молча села рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.